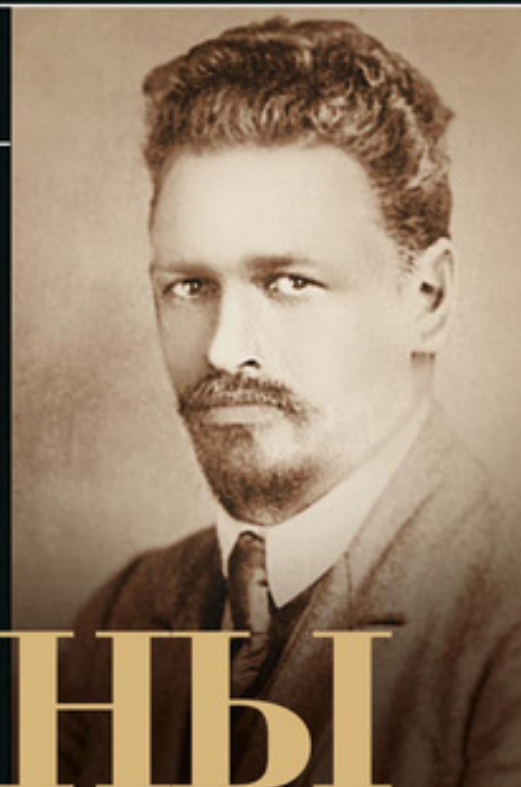


Юрий Фельштинский
Георгий Чернявский

ЧЕРЕЗ ВЕКА И СТРАНЫ

Б. М. Николаевский

150.7



Судьба меньшевика,
историка, советолога,
главного свидетеля
эпохальных изменений
в жизни России
первой половины XX века



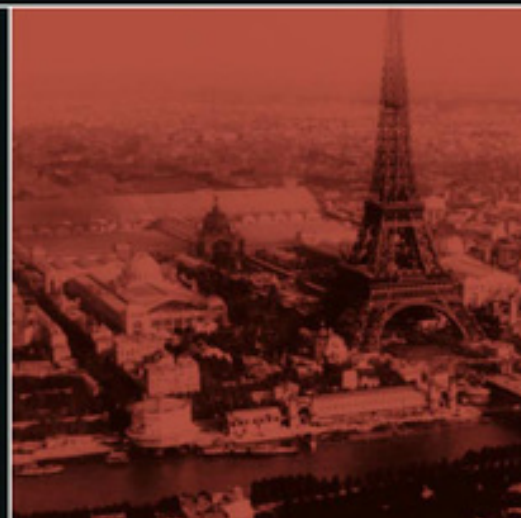
В. П. БУРЦЕВЪ

ГОВ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РУССКАГО НАЦИОНАЛЬНАГО КОМИТЕТА

**„ПРОТОКОЛЫ СІОНСКИХЪ
МУДРЕЦОВЪ“**

ДОКАЗААННЫЙ ПОДЛОГЪ

(Рачковскій сфабриковалъ „Протоколы сіонскихъ
мудрецовъ“, а Гитлеръ придалъ имъ міровую
извѣстность).



Юрий Фельштинский

**Через века и страны. Б.И.
Николаевский. Судьба
меньшевика, историка, советолога,
главного свидетеля эпохальных
изменений в жизни России
первой половины XX века**

«Центрполиграф»

2012

Фельштинский Ю. Г.

Через века и страны. Б.И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века / Ю. Г. Фельштинский — «Центрполиграф», 2012

В книге впервые подробно освещен жизненный, политический и научный путь человека, о котором в России почти не знают, хотя его жизнь являлась поистине гражданским подвигом. Активный деятель революционного движения (большевик, а затем меньшевик), Борис Иванович Николаевский принимал участие в революции 1905 г., неоднократно подвергался арестам и ссылкам, совершал побег, встречался с видными подпольщиками того времени, включая Ленина и Сталина. После Октябрьского переворота 1917 г. Николаевский включился в политическую борьбу против большевистской власти и в то же время сотрудничал с ней, пытаясь спасти ценнейшее документальное богатство страны, а затем продолжил свою подвижническую деятельность в эмиграции (с 1922 г. жил в Германии, Франции, США). Обо всем этом авторы книги, известные историки Юрий Фельштинский и Георгий Чернявский, рассказывают живо и увлекательно, прибегая к помощи богатейших фондов российских и зарубежных архивов, многочисленных публикаций. С захватывающим интересом читаются страницы о том, как Николаевский дважды спасал не только русские, но и германские архивные документы от нацистов, вывозя их сначала, в 1933 г., после прихода к власти нацистов, из Германии во Францию; затем, в 1940 г., после оккупации гитлеровцами Парижа, из Франции в США.

© Фельштинский Ю. Г., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	12
Башкирская провинция	12
Родители, детские годы	15
Вхождение в революционный круг	22
Провинциальный большевик	27
Первая российская революция	32
Меньшевик в столице и ссылках	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Георгиевич Фельштинский, Георгий Иосифович Чернявский Через века и страны. Б.И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века

Предисловие

Имя героя этой книги неизвестно широкому читательскому кругу в России и за ее рубежами, что очень огорчительно, так как речь идет о человеке, оставившем свой след в истории; о герое, не раз сознательно рисковавшем не только своим благополучием, но и жизнью. Так было в России и при царизме, и в годы Гражданской войны, и в Германии непосредственно после прихода к власти Гитлера, и во Франции, когда значительная часть страны, включая Париж, была оккупирована нацистами. А разве 60 лет самоотверженной научной деятельности, кропотливого, почти детективного поиска участников исторических событий и сохранившихся у них свидетельств, создание драгоценного архива документов нельзя назвать научным подвигом?

Между тем жизни и деятельности Бориса Ивановича Николаевского посвящены лишь несколько небольших научных статей. Правда, ссылки на его документальную коллекцию и на его труды в исторической литературе встречаются довольно часто, но ведь никто, кроме узких специалистов, на них обычно не обращает внимания.

Сын священника, Борис Иванович Николаевский (1887–1966) учился в гимназии в Самаре и в Уфе. В 1903–1906 гг. – большевик, затем меньшевик. В 1904 году, будучи гимназистом, был впервые арестован за принадлежность к молодежному революционному кружку, судим за хранение и распространение нелегальной социал-демократической литературы. В тюрьме провел несколько месяцев.

В общей сложности до революции арестовывался восемь раз, правда, на короткие сроки. Дважды отпускался по амнистии 1905 г., и лишь в третий за годы первой русской революции арест приговорен, наконец, к двум годам. Бегал из тюрем, три раза ссылался. Революционной деятельностью занимался в Уфе, Самаре, Омске, Баку, Петербурге, Екатеринославе. В 1913–1914 гг. работал в легальной меньшевистской «Рабочей газете» в Петербурге. После революции, в 1918–1920 гг., как представитель ЦК меньшевиков ездил с поручениями от партии по всей России. С 1920 г. – член ЦК партии меньшевиков. В феврале 1921 г., вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии, арестован и после одиннадцатимесячного заключения выслан из РСФСР за границу. В эмиграции (в Германии, Франции и США) продолжал принимать активное участие в политической деятельности партии меньшевиков. Постановлением от 20 февраля 1932 г. лишен, вместе с Троцким и рядом других эмигрантов, советского гражданства.

Однако политическая деятельность Николаевского не была в его жизни главным. Николаевский был прежде всего историк, и его заслуга перед Россией и русской историей состоит в том, что начиная с 1917 г. он собирал, хранил (и сберег для потомков) бесценнейшую коллекцию архивных материалов. Уже вскоре после Февральской революции, когда революционеры

по всей стране громили центральные и местные архивы (особенно полицейские), Николаевский, как представитель ЦИКа Советов, вошел в комиссию по изучению Архива департамента полиции. В 1918 г. вместе с П.Е. Щеголевым он составил проект организации Главного управления архивным делом. Именно Николаевский убедил тогда большевика Д.Б. Рязанова взяться за спасение архивов. В 1919–1921 гг. Николаевский стоял во главе историко-революционного архива в Москве, выпустил ряд книг по истории революционного движения в России и на Западе.

Как социал-демократа Николаевского в первую очередь интересовала история революционного движения в России и в Европе. Но его интересы как историка шли далеко за пределы ограниченного узкими рамками социал-демократии спектра. Он был чуть ли не единственным меньшевиком, сумевшим понять трагедию власовского движения и оправдать его (чем обрушил на свою голову многочисленную критику однопартийцев). Его способность списываться с людьми самых разных политических взглядов, от монархистов до коммунистов, заставляя их относиться к нему как к историку с полным доверием, убеждать их в необходимости немедленно сесть за написание мемуаров или же за подробные ответы на тут же составленные Николаевским бесчисленные и конкретные вопросы – не может не поразить каждого, кто сегодня работает с собранными Николаевским архивами. Настолько, насколько было возможно в те годы, он знал всё, всех и всё обо всех. За справками к нему обращались писатели, историки и публицисты из разных уголков мира. И почти всегда получали от него толковые и конкретные ответы. Он обладал уникальной, почти фотографической памятью и был ходячей энциклопедией русской революции.

Но меньшевик Николаевский не смог бы завоевать столь безусловного доверия расколотой русской эмиграции и даже командированных за границу советских коммунистов, если бы его личные этические стандарты, как историка и собирателя архивов, не стояли над политикой и над потребностями момента. Посвященный во многие человеческие и политические тайны своего времени, он ни разу не позволил себе погнаться за сенсацией и опубликовать ставший ему доступным материал в ущерб интересам своего информатора.

Как собиратель архивов, Николаевский оставил нам восемьсот с лишним коробок архивных материалов. Сегодня они хранятся в Гуверовском институте при Стенфордском университете (Пало-Алто, Калифорния, США). Как историк и публицист, Николаевский опубликовал бесконечное множество статей на русском и основных европейских языках. Уделяя много времени архивам, переписке с людьми и политической и публицистической деятельности, он был менее продуктивен как автор собственных толстых книг. Его самая известная книга – о Евно Азефе, написанная в 1932 г., с традиционной точки зрения, сегодня не кажется очень ценной. Много позже Николаевский пришел к новым, очень важным, даже сенсационным выводам, что Азеф провокатором не был, а был полицейским агентом и аккуратно передавал информацию о готовившихся террористических актах директору департамента полиции А.А. Лопухину. Именно Лопухин, чуть ли не в сговоре с премьер-министром русского правительства С.Ю. Витте, прятал эту информацию под сукно и таким образом умышленно допустил несколько террористических актов. Об этом Николаевскому сообщила вдова Лопухина, с которой Николаевский беседовал уже в эмиграции. Эти данные Николаевский собирался использовать в новом издании книги: «У меня подобралась неизданные материалы о Лопухине и его отношениях с Витте (в связи с большой борьбой между Витте и [министром внутренних дел В.К.] Плеве)... Много нового и важного материала, который я охотно дал бы в качестве особого введения и добавления», – писал Николаевский. Однако разработать эту тему Николаевский не успел. Новое издание «Азефа» опубликовано не было.

Не имея времени и усидчивости для создания масштабных исследований, Николаевский, однако, был исключительно активен как публицист и историк. Им были написаны сотни статей и заметок, подготовлены к печати публикации архивных документов и воспоминаний. Он

редактировал журналы и сборники, согласовывал публикации и договаривался об интервью. Трудно представить себе, где находилась бы русская эмигрантская пресса, если бы Николаевский не был ее частью. В послевоенные годы он переключился в основном на современность, стал советологом. Его интересовали прежде всего феномен сталинизма и новое поколение сталинцев, например Маленков. С неугасаемой энергией и энтузиазмом он был вовлечен во всю эту работу до самой своей смерти.

Несколько слов о том, что написано о Николаевском. Существуют две энциклопедические статьи¹. Первая статья, дающая общее представление о творческом пути персонажа и называющая массу его псевдонимов, фиксирует важнейшую черту Николаевского: «Современники отмечали исключительную эрудицию, безукоризненную точность и феноменальную память Николаевского». В статье есть, правда, мелкие неточности (например, Николаевский не был делегатом V съезда РСДРП, как указывает автор; не верно, что большая часть его архива в 1940 г. была захвачена нацистами). Но по крайней мере, эта статья превратила Бориса Ивановича в «энциклопедическую фигуру». Вторая статья существенно дополняет первую, сообщает данные об архивных фондах, в которых имеются материалы Николаевского, но в соответствии с характером издания фиксирует основное внимание на периоде эмиграции.

Немногим больше по объему обзорная статья А.П. Ненарокова, кратко осветившего вклад Николаевского в историческую науку, не связывая, впрочем, историографический аспект с биографическим и касаясь главным образом историографии российского зарубежья². В качестве историографических фактов в этой статье рассматриваются источники личного происхождения – письма, касающиеся в основном текущих дел меньшевистской эмиграции, а не анализа истории эмиграции. Вообще, по мере изложения автор, сознательно или нет, перешел с основной темы статьи на историю политических расхождений в среде меньшевистских группировок за рубежом. Видимо, в этом сказалась основная направленность творческой работы Ненарокова, связанной с публикацией документального наследия меньшевистской партии после 1917 г., увенчавшейся серьезными достижениями³. Завершая свою статью о Николаевском, Ненароков пишет: «Вклад Б.И. Николаевского в изучение истории русского зарубежья велик и заслуживает специального исследования. Данная же статья преследует цель более скромную – привлечь внимание к этой стороне творческого наследия Николаевского, весьма неординарного человека, роль которого как историка русского зарубежья до сих пор специально не рассматривалась»⁴. С этим нельзя не согласиться.

Единственной более или менее объемной биографической работой является книга уфимского краеведа Флюры Ахмеровой⁵. Оценивая эту публикацию, следует прежде всего приветствовать смелость, с которой периферийный краевед взялась за тему, требующую анализа архивных и прочих источников ряда стран. Не случайно основная часть книги (примерно две трети) посвящена российскому периоду жизни Николаевского, хотя его основная деятельность развернулась именно за рубежом (американскому периоду посвящены три страницы). Но в целом такая структура книги – не вина, а беда автора, которая попыталась обследовать раз-

¹ Розенталь И. Николаевский Борис Иванович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 396–397; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 458–459.

² Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). М., 2004. С. 142–149 (три статьи составляют сноски).

³ *Меньшевики в 1919–1920 гг.* / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2000. К жизни и творчеству Николаевского видный источниковед, архивист и археограф А.П. Ненароков обращался неоднократно, посвятив ему непосредственно или же в контексте деятельности других меньшевистских руководителей целый ряд документальных публикаций и очерков, которые были нам весьма полезны при написании этой биографии.

⁴ Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья. С. 147.

⁵ Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... Россия, перед тобой: Николаевский Борис Иванович (1887–1966). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2003.

личные российские архивные фонды, в том числе и труднодоступные. Что же касается зарубежного периода деятельности Николаевского, то он Ахмеровой почти не освещен (судя по книге, за российскими рубежами ей поработать не довелось), хотя некоторые документы из Гуверовского института войны, революции и мира она смогла получить по заказу⁶.

Должное Николаевскому отдают некоторые западные исследователи, которые черпали информацию из богатейших фондов его архивной коллекции или из консультаций с ним. Так, И. Гетцлер, биограф лидера российских меньшевиков Ю.О. Мартова, в своей книге сообщает о письме В.И. Засулич Г.В. Плеханову 1893 г.: «Господин Николаевский датировал это письмо и привлек к нему мое внимание». В другом месте Гетцлер пишет по поводу статей Мартова в сибирских газетах конца XIX в., что они были найдены Николаевским и в результате этого стали ему доступны⁷.

В то же время в западной историографии много книг, упущением которых является пренебрежение к коллекции Николаевского, содержащей огромное количество первоисточников по изучаемому ими вопросу⁸. Отчасти это является результатом свойственной части американских историков мнения, что эмигрант в принципе не может стать видным специалистом по истории своей страны, так как он пристрастен и предвзят, что мешает объективному анализу⁹. Не случайно в единственном издании, появившемся в США в результате так называемого Меншевистского проекта, Николаевский рассматривается почти исключительно как участник политических событий, но не как их исследователь¹⁰.

Таким образом, подлинного полного жизнеописания видного российского историка и общественного деятеля все еще нет, что и обусловило решение авторов этой книги написать биографию Николаевского. Мы положили в основу работы прежде всего документы его огромной коллекции, хранящиеся в Гуверовском институте¹¹. В ней содержится обширная личная документация и переписка, дающая возможность воспроизвести многие факты и детали жизненного пути Бориса Ивановича и его взгляды по принципиальным проблемам новой, современной и текущей истории. В коллекции Николаевского в Гуверовском институте находятся также фонды десятков политических и общественных организаций, их руководителей, участников событий, деятелей культуры, дающие масштабное представление о широте и многогранности научных интересов историка.

Важные материалы можно также обнаружить в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк). Помимо обширной переписки с Николаевским многих российских эмигрантов, хранящейся в фондах Бахметьевского архива, здесь находятся еще и бумаги Меншевистского проекта – широко запланированного, но только отчасти осу-

⁶ В то же время почти не использован такой фундаментальный источник, характеризующий творчество Николаевского, как журнал «Социалистический вестник» (а он в российских библиотеках имеется). В книге немало элементарных ошибок, опять-таки прежде всего по периоду эмиграции. Так, автор считает, что Николаевский умер в Нью-Йорке (на самом деле – в Калифорнии, где и похоронен). Однако, несмотря на известный примитивизм и аналитические несовершенства, многочисленные ошибки и неточности, книга Ф. Ахмеровой полезна прежде всего как биографическо-краеведческая работа.

⁷ *Getzler I. Martov: A Political Biography of a Russian Social-Democrat. Melbourne University Press, 1967. P. 20, 38.*

⁸ См., например: *Brovkin V.N. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.* Имя Николаевского просто отсутствует в индексе этой книги.

⁹ В среде американских историков можно наблюдать прямо противоположные мнения касательно роли российских эмигрантов в разработке истории своей страны. Ф. Флерон дал резко отрицательную оценку исследованиям эмигрантов вообще, заявив, что в этой среде доминировал идеологический подход (*Fleron F. Soviet Area Studies and the Social Sciences: Some Methodological Problems in Communist Studies. – Soviet Studies, 1968, January*). В то же время для П. Бернса реализация знаний и умений эмигрантов из России является славной страницей американского академического мира (*Byrnes R. A History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays. Lanham: University Press of America, 1994*).

¹⁰ Признание заслуг таких историков, как М.М. Карпович или Г.В. Вернадский, включение их в число «американских исследователей» является исключением.

¹¹ См. ее описание: *Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Part 1. Compiled by Anna M. Bourgina and Michael Jakobson. Part 2. Compiled by Michael Jakobson. Hoover Institution, Stanford University, 1989. 755 p.*

ществленного коллективного собирательско-исследовательского труда. Особенно важны для нас были 24 интервью, взятые Л. Хеймсоном у Николаевского в первой половине 60-х годов¹².

В небольшом личном фонде Николаевского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нам полезны оказались, с одной стороны, переписка Николаевского с Институтом Маркса и Энгельса в Москве (ИМЭ), его руководителем Д.Б. Рязановым, с эмигрантскими изданиями и деятелями; с другой – материалы, дающие представление о характере деятельности Николаевского в Германии в 20-х годах. Здесь имелись также отдельные рукописи, черновики и чистовики статей¹³. Одновременно фонд ГАРФ отражает, правда в самых общих чертах, сотрудничество Бориса Ивановича с Русским заграничным историческим архивом, созданным русскими эмигрантами в Праге (этот архив был после Второй мировой войны передан правительством Чехословакии СССР и ныне является составной частью ГАРФ)¹⁴. Таким образом, в существенной своей части настоящее исследование базируется на архивных материалах, не доступных (в силу удаления) российским читателям и исследователям.

Важнейшим источником изучения биографии историка и политолога являются, разумеется, его произведения. Они становятся незаменимым первоисточником, характеризующим творческий процесс и его результаты. Мы стремились рассказать по возможности подробно об основных научных и публицистических трудах Николаевского, выпущенных отдельными изданиями как на русском, так и на иностранных языках. К исследованию были привлечены и другие тексты – партийно-политическая документация, пресса и воспоминания людей, которые общались с Николаевским и оценивали его действия.

Хочется особенно отметить документальную публикацию по истории российского социал-демократического движения. Борис Иванович смог проделать основную часть работы по подготовке массива документов к печати, их структурированию и детальному комментированию, написал обширное введение к первой части публикации, но завершить и издать эту важную работу, являвшуюся венцом его научного творчества, ему помешали болезнь и смерть. Полагая, что за прошедшие с тех пор более чем полвека документы отнюдь не утратили своего научного значения, мы взяли на себя труд завершить дело, начатое замечательным человеком и ученым¹⁵.

Изучая это произведение, а затем осуществляя археографическую его подготовку к печати (в частности работая над предисловием и комментариями), мы вновь и вновь убеждались в исключительной научной добросовестности, энциклопедических знаниях, великолепном стиле изложения, свойственных Николаевскому, которые проявились в этой незавершенной работе¹⁶.

¹² Шесть из них в выжимке, доведенные только до революции 1905–1907 гг., были опубликованы в книге, подготовленной Хеймсоном и другими участниками проекта (*The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past*. L.H. Naimson and others, ed. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 214–292). Значительно большую ценность представляет первичный материал – стенограммы этих интервью, объем которых составляет в совокупности приблизительно 40 печатных листов.

¹³ В основном в фонде Николаевского в ГАРФ находятся разного рода оттиски и вырезки из научных и публицистических журналов.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 9217. В фонде 164 единицы хранения почти исключительно эмигрантского происхождения.

¹⁵ Документы опубликованы авторами этой книги в журнале «Вопросы истории» (см.: *Вопросы истории*. 2010. № 6 и последующие номера 2010–2012 гг.).

¹⁶ Нами были использованы не только письма Николаевского, хранящиеся в архивах, но и его переписка с видным российским и грузинским политическим деятелем – меньшевиком И.Г. Церетели, первая часть которой (1923–1930 гг.) недавно опубликована группой историков под руководством А.П. Ненарокова в серии «Русский революционный архив», основанной в 1923 г. самим Николаевским и теперь возрожденной по инициативе прежде всего Ненарокова (см.: *Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг.* / Вып. 1. Письма 1923–1930 гг. Отв. ред. А.П. Ненароков. М.: Памятники исторической мысли, 2010). В рамках серии в 2006–2009 гг. вышли тома документов П.Б. Аксельрода, А.Н. Потресова, А.М. Калмыковой, Г.В. Плеханова и др.

Мы старались не идеализировать Николаевского ни как общественного деятеля, ни как публициста, политолога и историка. Он был живым человеком со своими достоинствами и недостатками, которые мы отнюдь не стремились скрыть. Но все его недостатки сполна перекрывались тем вкладом, который внес в историю современности герой этой книги.

Борис Иванович Николаевский скончался в 1966 г., оставив незавершенными многочисленные свои проекты по изданию книг и исторических сборников. Его бесценное архивное собрание – лучший памятник умершему историку.

Глава 1 РОССИЯ ДО 1917 г.

Башкирская провинция

Борис Иванович Николаевский родился 8(20) октября 1887 г. в городке Белебее (этот город находится в нынешнем Башкортостане) в семье православного священника. Священнослужителями были и несколько поколений его предков по отцовской линии. Судя по рассказам отца, в роду Николаевских насчитывалось не менее восьми поколений служителей христианства. В бумагах, которые были выданы Борису при его высылке за пределы советской России в 1922 г., был ошибочно проставлен 1883 год рождения¹⁷. Отсюда подчас возникала путаница – некоторые авторы «старили» его на четыре года.

По мнению самого Николаевского, городок имел чисто русский характер. Через много лет Николаевский вспоминал шутку, услышанную им еще в детстве, что население Белебея составляло 3333 человека, из которых 3000 русских, 300 татар, 30 чувашей и 3 еврея.

Но в данном случае, верный своему принципу все связанное с историей проверять документами, он себе изменил, видимо не считая ни национальный состав жителей городка, ни в целом его прошлое заслуживающими внимания. Между тем, как почти каждый населенный пункт, Белебей имел свою оригинальную и небезынтересную историю.

Поселение чувашей на месте будущего города было основано, согласно данным местных краеведов, отраженным в городском историко-краеведческом музее, в первой половине XVIII в. на территории Оренбургской губернии. Соответствующая легенда гласит, что деревня Белебеево получила название по имени ее первого жителя, хотя, конечно, как все легенды, эта версия наивна – ведь не один же человек ее основал. Место было удобным – здесь протекала небольшая река (ее также называли Белебей), которая возле деревни впадала в реку Усень – приток Камы. Не очень далеко (180 километров) было до сравнительно крупного уже в то время города Уфы (позже, в 1785 г., Оренбургская губерния будет разделена на две – Оренбургскую и Уфимскую, и Белебей будет отнесен к последней).

Поселение росло, и в 1757 г. указом императрицы Екатерины II село Белебеево было переименовано в заштатный город. Еще через четверть века, в 1781 г., последовал новый высочайший указ, объявивший Белебей уездным центром – городом Уфимского наместничества.

Этому, правда, предшествовало немаловажное событие – во время пугачевского бунта 1773–1775 гг. отряд местных чувашей присоединился к повстанцам. Они сожгли несколько богатых домов и деревянную церковь, правда, после этого не знали, что делать, и далеко от города не ушли. Чувашские бунты, в основном на религиозной почве (язычники протестовали против принудительного крещения), продолжались, однако, и в следующие годы, в результате чего в 1881 г. все чуваша были из города выселены. Им была отведена территория поблизости, на которой было основано село, которому власти дали звучавшее презрительно наименование Малая Белебейка. Прошло, однако, еще несколько десятилетий, и это село слилось с городом, так что он вновь стал преимущественно нерусским.

В конце XIX в. занятия и особенно уклад жизни большинства горожан ненамного отличались от быта сельчан. Да и архитектура Белебея являла собой унылое однообразие. Про такие поселения, даже если они носят статус города, говорят: большая деревня. Действительно, он

¹⁷ Columbia University (New York City), Rare Books and Manuscript Library, Menshevik Project, Personal Files (далее: МР), box 21, folder 19.

был сплошь застроен одноэтажными деревянными домишками с редким вкраплением двухэтажных зданий. Крыши домов в основном были тесовыми и железными, изредка, преимущественно на окраинах, встречались лубяные и даже соломенные. Правда, главные улицы города – Большая Уфимская и Коммерческая – отличались от сельских тем, что были довольно длинными и замощены камнем. Так что стук колес проезжавших по ним экипажей и телег издавал «шум городской». Кроме того, именно здесь находились чуть большие по размерам административные здания.

Краевед Ф. Ахмерова пишет: «В центральной части Белебея возвышалась старая Михайло-Архангельская церковь, сверкало окнами новое здание казначейства, угрюмо чернела тюрьма. Большая базарная площадь, заполнявшаяся мелкими торговцами в определенные базарные дни, разместилась здесь же – в центре»¹⁸.

Основную массу жителей Белебея составляли крестьяне, переселившиеся после отмены крепостного права из сел и деревень в поисках лучшей доли. Некоторой части «новых горожан» повезло: кто-то вошел в сословие мещан или даже купцов, что означало подъем вверх по официальной иерархии гражданского состояния. Большинство горожан принадлежало именно к мещанскому сословию. Его представители занимались ремеслом и торговлей, могли улучшать свое материальное положение, но не настолько, как купцы или тем более дворяне.

Выбившиеся из крестьян мещане снисходительно и пренебрежительно относились к деревенским мужикам и бабам, завидовали «белой косточке» – дворянам. Мещане не имели возможности получить достойное образование, приобщиться к подлинно высокой культуре, обустроить свой быт по меркам высшего света, но вчерашний крестьянин всячески подражал образу жизни последнего, окружал себя тем, что казалось ему культурой: покупал рисованные ковры с лебедями и замками, блестящие «драгоценности», в разговорах к месту и не к месту применял заморские выражения, обычно не понимая их смысла.

Условия труда наемных работников были изнурительными. Рабочий день достигал 12–14 часов в сутки. Об оплачиваемом отпуске и не мечтали, так же как и о пособии по временной нетрудоспособности и тем более о пенсии по старости. Поденщик на хозяйских харчах работал за 25–30 копеек в день, на своем харче – за сорок– пятьдесят, иногда за шестьдесят. Прислуга зарабатывала 5–6 рублей в месяц.

Естественно, была в Белебее и верхняя прослойка горожан – немногочисленные чиновники казенных учреждений, служащие земства, купцы и предприниматели – владельцы магазинов, небольших промышленных предприятий, а также адвокаты, агрономы, агенты страховых компаний, врачи, преподаватели начальных и средних учебных заведений. Именно к этой категории относился отец Иоанн – родитель Бориса.

Большой промышленности в городе не было, имеющиеся предприятия, по существу, были ремесленными мастерскими или же кожевенными и кирпичными заводиками. Значительная часть горожан по совместительству занималась сельским хозяйством – на приусадебных участках и за городом выращивали овощи, картофель, нередко и зерновые. Во дворах держали скотину – коров, свиней, птиц, многие имели лошадей. В этом отношении представители привилегированных сословий, в том числе и семья Николаевских, мало чем отличались от основной массы населения.

Что же касается национального состава, то судить о нем можно лишь приблизительно, ибо официальные данные относятся в целом к Белебеевскому уезду. Согласно переписи 1897 г., башкиры составляли вместе с мещеряками (мищарами) 50 процентов населения; около 10 процентов жителей были названы татарами; 6 процентов – чувашами; 1,5 процента – черемисами (так называли марийцев); 1,1 процента – мордвой. Русское население составляло 16,6 процента, причем значительное количество русских появилось в уезде в последние 15 лет перед

¹⁸ Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 9.

переписью. За этот период в крае возникло более 200 новых селений, в большинстве своем русских. Можно полагать, что в действительности чувашей в уезде было значительно больше, но эта народность считалась самой «непрестижной», и от нее всячески пытались откреститься.

В экономическом и в культурном отношении Белебей оставался глухой провинцией. Первая публичная библиотека в городе появилась только в 90-х годах. Первую железнодорожную ветку, причем прошедшую в десяти верстах от Белебея, проложили в середине того же десятилетия.

Чтобы более не возвращаться к истории Белебея и к его историко-краеведческому музею, на основании материалов которого, представленных на официальном городском сайте¹⁹, основаны приведенные сведения, отметим, что в музее можно встретить материалы о нескольких известных людях, которые так или иначе были связаны с городом в сравнительно недавнее время. Среди них – герой Гражданской войны В.И. Чапаев, поэтесса М.И. Цветаева, маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, композитор Д.Д. Шостакович. Но ни в экспозиции музея, ни на городском сайте ни слова нет о герое нашего повествования, хотя он не просто «имел отношение» к Белебею, а был его уроженцем...

¹⁹ <http://www.belebey.ru>.

Родители, детские годы

Семья Николаевских была зажиточной, но не богатой. И отец Иван Михайлович (батюшка Иоанн), и мать Евдокия Павловна (в девичестве Краснобурова), происходившая из купеческой семьи среднего достатка (ее отец выбился из государственных крестьян, и сама она официально продолжала относиться к крестьянскому сословию), были в Белебее пришлыми людьми, поселившимися здесь в середине 80-х годов (Борис родился вскоре после переезда). Оба они происходили из Орловской губернии, где как-то познакомились во время церковной службы. Юноша проводил девушку домой, они понравились друг другу, стали встречаться, а потом и поженились еще в то время, когда Иван Николаевский был семинаристом.

Ивану было всего 11 или 12 лет, когда умер в 1872 г. от холеры его отец, оставив дочь и троих сыновей. Все мальчики пошли в духовные учебные заведения, куда были взяты на казенный счет. Дело в том, что духовенство в России на протяжении XIX века оставалось в основном кастовым.

Большинство учащихся духовных школ были детьми клириков. Имея в виду низкие доходы духовенства, они выбирали семинарское образование не потому, что обязательно хотели стать священнослужителями. Для них это была единственная возможность получить среднее образование. Священниками становились не по призванию, а по происхождению. Евдокия же получила только начальное образование, но много читала и путем самообразования не только овладела элементарными знаниями, но, обладая самостоятельностью суждений и здравым житейским смыслом, нередко вступала в дискуссии со своими более образованными родными и убеждала их в своей правоте.

По окончании семинарии устроиться на службу в Орловской губернии было трудно. Молодой священник с супругой решили ехать на новые места. Вначале Иван отправился «на разведку» в Уфу, где обитал какой-то знакомый. Местный епископ принял его радушно, пообещал дать приход, конечно, не в самом центре, а где-то в провинции. Этим местом и оказался Белебей.

Здесь семья Николаевских смогла установить добрососедские отношения с людьми различного происхождения, состоятельности и сословной принадлежности, что объяснялось свойственной им простотой нравов, приветливостью, элементарной честностью. Ни Иван Михайлович, ни Евдокия Павловна не помнили времен крепостничества, но в обеих семьях передавались устные предания о том времени, о крестьянском происхождении предков, и они с глубоким удовлетворением говорили о «великих реформах» 60-х годов, о «царе-освободителе» Александре II, о пользе просвещения.

Отец Иоанн проповедовал вначале в небольшой кладбищенской церкви, рядом с которой стоял его двухэтажный дом (позже он за заслуги перед паствой и православной иерархией был переведен в центральный храм – Михайло-Архангельский собор). Небольшим приработком было преподавание Закона Божьего в местном шестиклассном городском училище, что свидетельствовало (имея в виду, что директор избрал учителем именно этого священника) о его определенных педагогических данных, владении некими элементарными навыками общей культуры. Из «формулярного списка» учителя Закона Божьего отца Иоанна видно, что он и служил в церкви, и преподавал усердно, за что неоднократно награждался как духовным, так и просвещенческим начальством. Более того, за усердную службу он был в 1896 г. назначен наблюдателем за церковно-приходскими училищами города и Белебейского уезда²⁰.

²⁰ Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 11–12.

Церковное начальство относилось к отцу Иоанну благосклонно. Когда в Белебей приезжал уфимский епископ, он обычно останавливался в доме Николаевских. «Было очень много хлопот, но и большой почет был», – рассказывал Борис Иванович через полвека²¹.

У Бориса были четыре брата и две сестры. Старшей была Александра, за ней на свет появился Борис, а за ними последовали Владимир, Всеволод, Наталья, Михаил и Виктор. Младший брат Владимир, находясь в ссылке в Архангельской губернии, в 1910 г. женится на сестре известного умеренного большевика Алексея Ивановича Рыкова Фаине, и таким образом Борис породнится с одним из руководителей будущей большевистской партии, ставшим после Ленина главой Совнаркома (какое-то время Николаевский будет даже пользоваться покровительством Рыкова). Семейные ниточки дотянулись и до наших дней – в Москве, Ярославской области и в других местах проживают потомки обширной семьи Николаевских, которые концентрируются вокруг дочери Рыкова Наталии Алексеевны Рыковой-Перли²².

Обширная семья вела отчасти натуральное хозяйство, ибо у нее был участок земли, который давал возможность ставить на стол только что собранные овощи, а фруктовый сад снабжал спелыми свежими яблоками и грушами и позволял делать зимние заготовки. В хозяйстве были две-три коровы. Экипаж и несколько лошадей давали возможность достойно «выезжать в свет», разумеется, до предела провинциальный, а кухарка и пара приходящих работников позволяли существовать относительно комфортабельно. Какое-то время у семейства был даже небольшой «зверинец» – пара волчат, медвежонок, филин.

Отец, будучи, в отличие от многих лиц духовного звания, искренне верным православной традиции, внушал детям сочувствие к беднякам, понимание элементарной социальной справедливости, которую, разумеется, следовало осуществлять только ограниченными, разумными средствами и в определенных рамках, не затрагивая основ существующего строя. В доме даже произносилось слово «угнетенные», к которым следовало относиться с сочувствием²³.

О революционном движении в России отец Иоанн знал еще с семинарских годов, но прямого интереса к нему не проявлял, считая значительно более продуктивной просветительную деятельность.

Одним из ранних фактов, оставшихся в памяти Бориса на всю жизнь, был голод зимой 1891/92 г., когда Белебей наводнили просившие хлеба крестьяне из соседних деревень и он, четырехлетний мальчик, спотыкаясь, влетел в дом, чтобы вынести подошедшим к порогу показавшимся ему страшноватыми людям, умолявшим о какой-нибудь еде, что-нибудь съедобное²⁴. Его, ребенка из добропорядочной мещанской семьи (мы, естественно, употребляем это выражение отнюдь не в предосудительном смысле), очень напугали истощенные, грязные, угрюмые люди, просившие подавание.

Реальное сочувствие к неимущим придет намного позже и будет скорее умозрительным, книжным, нежели чувственным. На протяжении всей своей последующей жизни Николаевский почти не общался с низшими слоями населения, крестьян почти не знал, а из рабочих

²¹ МР, box 37, folder 9.

²² Подробнее см.: *Ахмерова Ф.* Мне не в чем каяться... С. 26–28. Владимир Иванович Николаевский (1888–1937) участвовал в социал-демократическом движении с 1898 г. Позже был меньшевиком. В 20–30-х годах служил в советских учреждениях. После снятия А.И. Рыкова с поста главы правительства был арестован и расстрелян еще до расстрела своего знаменитого родственника. Фаина Ивановна Рыкова провела в тюрьмах и концлагерях семнадцать лет. Была реабилитирована в 1956 г. Жила в Москве. Их старшая дочь Галина Владимировна (1910–1984) была врачом, младшая Нина (1912–1981) – инженером (*Зенькович Н.* Самые секретные родственники: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. С. 339; сведения Зеньковича уточнены по личной документации Николаевского).

²³ В своих устных воспоминаниях и в мемуарной справке, написанной по просьбе руководителей американского Меншевицкого проекта, уже пожилой Николаевский не раз возвращался к своей семье, к родителям, внушавшим ему чувство уважения к тем, кто занят «простым трудом».

²⁴ МР, box 37, folder 9.

предпочитал людей грамотных, рассудительных, владевших специальностью, то есть тех, кого социалисты будут величать «рабочей аристократией».

Куда более приятными, нежели люди из крайних низов, были временные наемные работники, помогавшие по хозяйству отцу и матери. Их никогда не рассматривали как слуг. К тому же они иногда баловали ребенка. С ранних лет детей приучали к физическому труду. Сбор овощей на огороде и фруктов в саду был делом всей семьи, и никакого непосредственного различия между хозяевами и работниками в этих занятиях не было – каждый делал то, что было в его силах. «У нас было два сада и огород, – рассказывал Николаевский. – Отец любил садоводство, разбирался в растениях. Мы, дети, весьма охотно помогали родителям во время весенне-летних и осенних работ в саду и на огороде»²⁵.

И еще одно весьма любопытное жизненное впечатление, на этот раз связанное не только с поддержкой более слабых, но и с фактически унаследованным непониманием и внутренним чувством полного неприятия национальной розни, недоверия или враждебности к людям иной национальности. В памяти уже весьма пожилого Николаевского остался эпизод, когда он и его сверстники играли с мальчиками-татарами в войну и произошло вдруг очень странное событие: Боря «перешел в стан противника»: «Несколько мальчишек напали на моего друга Ахмета и хотели увести его «в плен». Я заступился за Ахмета, считая несправедливостью, когда несколько ребят нападают на одного». Этот эпизод, как рассказывал Николаевский, всплыл в его памяти, когда, уже став жителем США, он вдруг внезапно встретил в Филадельфии одного из тех бывших мальчиков-татар, с которыми когда-то играл в войну²⁶.

Появлялись и первые увлечения девочками. Отец дружил с директором городского училища Дворжецким, и тот иногда приходил в гости вместе со своей дочерью Валентиной. Кажется, с некоторым оттенком сожаления Николаевский рассказывал через много лет, что она позже вышла замуж за земского начальника Цитовича...²⁷

Рано научившись читать, Борис стал поглощать не только детскую литературу, к которой стремились приучить его родители (это были исключительно светские книжки, батюшка отнюдь не намеревался, чтобы дети последовали его карьере), но и периодику: вначале журнал «Детское чтение», в последующие годы популярный в конце века иллюстрированный журнал «Нива». Вслед за этим ребенок обратил внимание и на более политизированные периодические издания, на которые подписывался отец, причем это были и консервативная газета «Свет» с явными националистическими и антибританскими тенденциями, и тяготевший к передовым слоям общества толстый журнал «Русская мысль», самый распространенный в то время и один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов в России, число подписчиков которого доходило до 14 тысяч, выходивший в Москве с 1880 г. Создателем журнала был известный журналист, издатель и переводчик В.М. Лавров. «Русская мысль» придерживалась умеренного конституционализма, идейно и организационно готовила создание партии конституционных демократов (кадетов).

Трудно сказать, что побудило отца Иоанна выписывать одновременно консервативную газету и прогрессивный журнал. Скорее всего, в этом проявилось своего рода стремление к получению разносторонней информации, позволяющей делать собственные выводы. К тому же надо сказать, что для многих русских интеллигентов было характерно на первый взгляд малоестественное сочетание: они рассматривали Россию как «третий Рим», одобряли ее внешнюю экспансию, часто под видом помощи «славянским братьям» (например, на Балканах в последней трети XIX в.). В то же время они искренне ненавидели «внутренних турок», то есть

²⁵ The Making of Three Russian Revolutionaries. P. 218. В книгу вошли воспоминания Л.О. Дан, Б.И. Николаевского и Г.П. Денике.

²⁶ См.: Там же. P. 221–222; МР, box 37, folder 9.

²⁷ МР, box 37, folder 9.

тех, кого считали эксплуататорами простого народа, и в этом смысле были близки к народникам. Похоже, что Николаевский-отец относился именно к этому политическому кругу. Такая ориентация была проявлением низкого уровня структурированности российского общества, нерзвитости политического мышления основной массы населения.

Ребенок не мог не прислушиваться к домашним дискуссиям по поводу внутренней жизни страны и ее зарубежной политики. Если «Русская мысль» ставила эти проблемы осторожно, то «Свет», мало касаясь социальных вопросов, агрессивно защищал российские претензии, особенно на Азиатском континенте, на Ближнем Востоке, в районе черноморских проливов. Дома, конечно, не употреблялся научно-официальный термин «геополитика» (само это слово только появлялось в лексиконе), но, по существу, геополитические представления, связанные с борьбой великих держав за господство над стратегически важными регионами Востока, невольно проникали в его сознание.

Пытливый мальчик прислушивался к тому, о чем говорили взрослые. Он запомнил, что кругом близких знакомых отца были не священнослужители, а учителя, нередко собиравшиеся на посиделки у отца Иоанна. В доме хранились собрания сочинений русских классиков и даже книги весьма передового для своего времени педагога К.Д. Ушинского. «Отец больше всего общался с учителями, – вспоминал Николаевский. – Я с трудом вспоминаю случаи, когда местное духовенство посещало нас... Они не играли в карты, которые были обычной формой отдыха в те времена, а вели разные дискуссии, читали газеты, делились новостями». С симпатией шла речь о деревне, о крестьянах и их социальной роли. «Это с самого начала заложено во всех нас было», – подчеркивал Николаевский. Ни в этих беседах, ни в более узком домашнем общении религия особой роли не играла. «Это был дом верующих интеллигентов»²⁸.

Как и приходившие в дом учителя, отец Иоанн и Евдокия Павловна были людьми отчасти свободомыслящими. Они отнюдь не ставили под сомнение Священное Писание, но пытались согласовать его с естественными науками и историческими знаниями. Группа интеллигентов, собиравшихся у отца, была разночинной. Среди них встречались и дворяне, и выходцы из низших сословий. Для всех этих людей было характерно какое-то неопределенное «народолюбие». Они не были сторонниками республики, не были врагами царизма, но и никакого преклонения перед монархией не ощущали. Коронация Николая II, за которой внимательно следили в 1894 г., стала чем-то подобным ярмарке или нижегородской выставке 1896 г., о которых в доме также много говорили.

«Сходки» в доме Николаевских показались властям подозрительными (видно, кто-то донес о них), участникам сделали неформальное предупреждение, и встречи благоразумно решено было прекратить²⁹.

И еще одна сторона интересов раннего детства, на этот раз, казалось бы, очень далекая от будущей профессии, существенно повлияла на карьеру ученого. Подобно многим другим мальчикам его возраста, Борис еще до поступления в общеобразовательную школу стал увлекаться популярной естественно-научной литературой. Вначале это были журналы «Вокруг света», «Природа и люди», а вслед за этим толстые книги. Ребенок стал с увлечением читать, в частности, только появившуюся, роскошно изданную книгу французского астронома и известного популяризатора этой науки Камиля Фламариона «Живописная астрономия» (она вышла в известном издательстве Павленкова в 1897 г.).

Николаевский через много лет рассказывал, что популярную книгу по астрономии он впервые прочитал, когда ему было 8–10 лет³⁰. Имея в виду год выхода книги Фламариона, можно прийти к выводу, что прочитал он ее не ранее десятилетнего возраста. А чуть позже

²⁸ МР, box 37, folder 9.

²⁹ The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 219–220; МР, box 37, folder 9.

³⁰ МР, box 37, folder 9.

(Борис в это время стал уже гимназистом) он, не отрываясь, читал дополнение к этой книге под названием «Звездное небо и его чудеса», выпущенное тем же Павленковым в 1899 г. От звездного неба с его чудесами недалеко было до чудес земных – Борис стал страстным коллекционером минералов, насекомых, составлял гербарии. Так начинали формироваться два качества будущего исследователя – стремление к упорному и настойчивому тематическому собиранию того, что он считал важным, и умение хранить, сортировать, описывать, классифицировать собранные ценности³¹.

Разумеется, Борис читал Ветхий и Новый Завет, но они были для него не духовным канон, святыней, священными текстами, а сборниками героических сказок, мифов, легенд. «Мне это просто нравилось»³², – вспоминал он. Но все же сознательный отход от религии начался позже, в первых классах гимназии. Естественно, как и все дети из интеллигентных семей того времени, он поглощал романы Майн Рида, Гюстава Эмара, Фенимора Купера; постепенно пристрастился и к поэзии Пушкина и Лермонтова, стал читать рассказы Чехова. Однако поистине открытием для него стали вольнолюбивые мотивы в разоблачительной лирике Некрасова.

Начальное образование Борис получил в белебеевском городском училище, куда поступил в семилетнем возрасте в 1894 г. Училище было шестиклассным, но по окончании трех-четырех классов можно было предпринимать попытки поступления в гимназию. Материальное положение семьи позволяло элементарные знания, необходимые для прохождения конкурсов в средние учебные заведения (гимназии, реальные училища) получить дома, занимаясь с приходящими учителями. По всей видимости, однако, отец и мать решили, что дети должны пройти через публичную первичную школу не столько для приобретения знаний, сколько для того, чтобы овладеть навыками жизни в коллективе, состоявшем из самых разнородных детей, в основном принадлежавших к городской бедноте.

В 1898 г. одиннадцатилетний мальчик поступил в самарскую гимназию. Как сын священнослужителя, он был зачислен на полный пансион. Правда, сам по себе факт, что священник отправил своего сына учиться в гимназию, был, по позднему убеждению Николаевского, почти революционным актом³³. Действительно, решиться прервать восходившую на много поколений назад традицию, отказаться от зачисления ребенка в духовное училище было для отца Иоанна нелегко. К этому с явным неодобрением отнеслись и коллеги по священническому цеху, и его церковное начальство. Но отец действительно сознательно и решительно не хотел, чтобы лица духовного звания были в его семье и в девятом поколении. В результате никто из детей Ивана Михайловича в священники так и не пошел. Это было проявлением определенной тенденции, которая стала складываться в конце XIX в. Теперь дети священников часто вовсе не желали идти по стопам отцов. Сказывались и потеря веры, и возможности, которые открывались в предпринимательстве и на государственной службе, и распространение оппозиционных и революционных настроений.

Большой губернский город просто потряс воображение Бориса. До этого он ни в одном крупном центре не бывал, если не считать краткой поездки в Уфу с отцом, но это было в раннем возрасте, да и Уфа с Самарой сравниться никак не могла. «Самара поразила всем. Остановились мы в гостинице. Помню, что принесли бутылку лимонада, и это тоже была новинка... Недалеко от здания гимназии Волга. Сад над Волгой. Пароходы бегут, впервые видел... У нас не было каменных домов в Белебее, кроме городского училища, кроме больницы, которая тоже была небольшой. А в Самаре дома были в 3–4 этажа»³⁴.

³¹ На это обратил внимание Л.К.Д. Кристоф (*Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky. Ed. by A. and J. Rabinovitch with L.K.D. Kristof. Indiana University Press, 1972. P. 5*).

³² МР, box 37, folder 9.

³³ МР, box 37, folder 9.

³⁴ Ibid.

Здесь Борис провел пять лет – первые четыре года жил в гимназическом пансионе-общежитии на весьма скудных харчах, с постоянным ощущением голода и со строгой дисциплиной; а последний год в семье одноклассника Льва Крейнера, мать которого (она разошлась с мужем и вела хозяйство в одиночку) поощряла чтение художественных произведений левых писателей вроде Чернышевского, но предостерегала сына и его друга от связей с нелегалами.

С первых школьных лет Борис страстно увлекся гуманитарными дисциплинами. Только в эти годы пришла любовь к истории. В пансионе были комната для занятий, небольшая библиотека – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, произведения которых поглощались одно за другим. Вначале тайком в общежитии, а затем открыто в последний самарский год гимназист поглощал толстые журналы, особенно все ту же либеральную «Русскую мысль», приобретающую постепенно известную народническую ориентацию. Вслед на этом он стал интересоваться литературно-критическими статьями Добролюбова, социологией Чернышевского, знакомился с работами Плеханова.

Огромное впечатление на Бориса производила могучая Волга, тем более что гимназический пансион располагался почти на берегу. «Только я открою окно или дверь, и вот она, прямо передо мной. Самая настоящая Волга», – вспоминал он³⁵. Постепенно гимназисты научились уклоняться от соблюдения строгих правил пансиона. В восемь часов вечера они послушно являлись на проверку, затем отправлялись по своим комнатам, а после этого тайком удирали из общежития, бродили по берегу реки, ввязывались в разного рода мелкие приключения и столкновения. Часто возвращались под утро, забирались в помещение через окно, недолго спали, а вслед за этим их беспощадно будил звонок на утреннюю принудительную молитву, от которой они любыми правдами и неправдами стремились уклониться³⁶.

Само же гимназическое образование в Самаре не отличалось глубиной, было рутинным и казенным. Оно вызывало у Бориса чувство протеста низкой компетентностью учителей, их робким заискиванием перед начальством, да и перед теми учениками, которые происходили из богатых семей. Сколько-нибудь значительных событий годы в самарской гимназии в его памяти не оставили, хотя в воспоминаниях Николаевского можно встретить сдержанные положительные оценки отдельных учителей. Единственным, кто произвел действительно глубокое впечатление на гимназиста, был молодой, только окончивший университет учитель Дмитрий Геннадиевич Годнев, недолгое время преподававший литературу, но вскоре уволенный из гимназии (было это в 1902 г.) за пропаганду произведений неблагонадежных авторов³⁷.

Но Самара значительно больше запомнилась другим. Всего лишь за несколько лет до поступления Бориса в гимназию в этом городе жил получивший уже известность писатель-бунтарь Максим Горький, печатавшийся в местной «Самарской газете». Фельетоны Горького стали появляться в этой газете с октября 1894 г.

Горький поселился в Самаре по совету В.Г. Короленко в феврале 1895 г. В течение первой половины 1895 г. в «Самарской газете» почти ежедневно печатались его рассказы, очерки и фельетоны. 14 июля 1895 г. под фельетоном впервые появилась подпись Иегудиил Хламида. По мнению писателя Д. Быкова, газета, в которой столь активно сотрудничал Горький, вела себя либеральнее, чем даже столичная пресса. Это было явлением частым – в провинции работали те, кого из столицы высылали за вольномыслие³⁸, а исконно периферийные издатели часто чувствовали себя свободнее, нежели столичные карьеристы. Последнее позже неоднократно отмечал Николаевский.

³⁵ *Kristof L.K.D.* B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 6.

³⁶ МР, box 37, folder 9.

³⁷ *Ахмерова Ф.* Мне не в чем каяться... С. 19–20.

³⁸ *Быков Д.* Был ли Горький? М.: Астрель, 2008. С. 111–112.

Самару в конце XIX в. называли русским Чикаго. Действительно, город быстро рос, в нем кипела торговля, в центре воздвигались богатые частные дома. Когда Борис приехал в Самару, Горького там уже не было (в 1896 г. тот покинул город, чтобы продолжить свои странствия по Руси), но из уст в уста передавались написанные им в 1895 г. «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», опубликованные в «Самарской газете».

В городе вспоминали и бунтарский внешний вид писателя – его длинные волосы, мягкие сапоги и заправленные в них широкие синие, «украинского типа», штаны, широкополую «греческую» шляпу, не очень аккуратную, но всегда подпоясанную рубаху навыпуск, палку таких размеров, что ею можно было бы пользоваться как холодным оружием, и т. п. Естественно, что многие гимназисты стремились подражать Иегудиилу Хламиде, хотя бы своим непокорным обликом. Правда, гимназические власти быстро пресекали такие «попытки бунта». Во всяком случае, Бориса заставили постричь длинную шевелюру, которую он отрастил.

Еще одним немаловажным самарским впечатлением было знакомство с молодым геологом Павлом Ивановичем Преображенским, в будущем профессором и советским академиком (хотя в промежутке он был министром просвещения в правительстве адмирала Колчака и сидел в большевистской тюрьме). В своих воспоминаниях Николаевский был неточен, он рассказывал, что в его гимназические годы Преображенский уже был профессором и возглавлял разведывательные экспедиции³⁹. На самом же деле он только в 1900 г. окончил петербургский горный институт и получил звание горного инженера. Однако действительно, в первые годы века Преображенский заведовал геологической партией, исследовавшей возможности строительства железнодорожной ветки Уфа – гора Магнитная.

Скорее всего, Борис познакомился с Павлом Ивановичем именно в этом качестве. Во всяком случае, соответствует, очевидно, действительности, что эта его экспедиция имела свою лабораторию, которую начинающий ученый предоставил в распоряжение гимназиста для его нехитрых экспериментов с минералами.

У Бориса сохранялись интересы в области естественных наук, особенно астрономии. Он завел большую тетрадь, куда заносил различные межзвездные расстояния и подобные интересовавшие его сведения. Но постепенно этот интерес если не исчезал, то, во всяком случае, отходил на второй план. Зато углублялись гуманитарные интересы, которые вначале концентрировались на все более углубленном знакомстве с либеральной и особенно демократической художественной литературой, в первую очередь поэзией. Стихи легко откладывались в памяти. Как-то Борис прочитал революционное стихотворение Некрасова старшему гимназисту. Тот его предостерег: «Ох, смотри, Николаевский, попадешь ты в Петропавловскую крепость!» Это название было школьнику знакомо уже тогда – по мемуарам декабристов, которые он читал во втором классе, и по тому же Некрасову⁴⁰.

³⁹ МР, box 37, folder 10.

⁴⁰ МР, box 37, folder 10.

Вхождение в революционный круг

В последний год жизни в Самаре, уже на квартире Кремера, Борис принял участие в полулегальном кружке гимназистов, которые собирались за чаем и обсуждали последние новости, прочитанные романы и стихи, главным образом радикального направления, среди которых наибольшее впечатление производила поэзия Н.А. Некрасова⁴¹. По настоянию Бориса члены кружка, видимо не без внутреннего сопротивления, прочитали и обсудили книгу К.А. Тимирязева «Жизнь растений». Эта книга вышла первым изданием в 1878 г. В основу ее был положен курс лекций по физиологии растений, прочитанный автором в большой аудитории Московского музея прикладных наук (ныне Политехнический музей). Книга по праву считалась классическим примером популяризации естественной науки, и соученики Бориса, которые вначале думали, что им навязывают повторение надоевшего гимназического предмета, в конце концов были ему благодарны за настойчивость.

От собственно революционного движения гимназисты, однако, были пока еще далеки. В Самаре они даже не знали об острой полемике между марксистами и народниками, хотя до них доносились слухи о «Народной воле», тем более об убийстве народниками-террористами Александра II и о «хождении в народ». Только в 1900 г. к Борису совершенно случайно попала первая нелегальная листовка.

Ее обнаружили застрявшей в кустах, облепленных снегом. Листовку тщательно просушили, обвели чернилами затекшие буквы и передавали для чтения из рук в руки. Листовка была явно неглубокого содержания, она высмеивала привычку целовать иконы, «целовать задницу святого», как там было сказано. А еще через шесть лет Николаевский оказался в одной тюремной камере с эсером Михаилом Веденяпиным и узнал, что именно он был автором той листовки и написал ее, будучи самарским студентом⁴².

В декабре 1902 г. на собрании, посвященном 25-летию со дня смерти Н.А. Некрасова, Борис познакомился со старым народником Василием Арцыбушевым, который к этому времени, после многих лет ссылки, стал последователем Маркса и Плеханова. Василий Петрович привел Бориса и его друзей к себе домой и передал им извлеченную из тайника изданную за границей брошюру Плеханова о Некрасове. Так в руках юноши оказалось первое нелегальное, к тому же марксистское издание. Встреча с Арцыбушевым хорошо запомнилась, и через 15 лет, в судьбоносный 1917 год, когда Арцыбушев скончался, Николаевский посвятил его памяти неподписанную статью, опубликованную в «Рабочей газете», центральном меньшевистском издании.

Относительно своих контактов с нелегалами в самарские гимназические годы Николаевский в воспоминаниях писал, что мечтал присоединиться к социал-демократам. «Главное, что меня привлекало в них, было то, что они являлись партией рабочего движения и очень сильной влиятельной партией»⁴³. Он рассказывал также, что, в отличие от него самого, его старшая сестра Александра стала эсеркой. «Я первым пошел в революционное движение... она была более осторожной и сдержанной. Но мы все были вместе... Почему я считал себя социал-демократом, не ясно. Я ничего определенного не читал, но общая атмосфера была такая, что нас тянуло туда... И конечно, я видел легальный журнал марксистский – «Жизнь»... где мы читали Горького... Общее настроение было такое. Большое влияние на меня произвела первая забастовка, которую мы пережили в начале 1903 года. Забастовка рабочих-булочников в Самаре.

⁴¹ Лэд Кристоф, заместитель руководителя Большевистского проекта, общавшийся с Николаевским и немного владевший русским языком, вспоминал, что и в старости Николаевский с глубоким чувством декламировал Некрасова, лирику которого запомнил на всю жизнь (*Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 7*).

⁴² МР, box 37, folder 10.

⁴³ *The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 224.*

Несколько дней были без булок, без хлеба. Масса разговоров. И помню, я ходил и пытался познакомиться с булочниками бастовавшими, было большое разочарование, когда выяснил, что это были самые обычные парни, ничего не понимавшие»⁴⁴.

Тем не менее весной 1903 г. Борис установил связь с нелегальным просветительным кружком учащихся разных учебных заведений Самары, причем избрал для себя кружок «высшего типа», то есть рассчитанный на наиболее подготовленных слушателей. Собирались обычно на квартире ученика реального училища Петра Кузьмина, отец которого владел бакалейной лавкой, и семья поэтому считалась властями законопослушной. Кружковцы выступали с докладами на самые различные политические темы, обсуждали вопросы о социальной структуре общества, о прибавочной стоимости, знакомились с народнической и марксистской литературой. Борис видел и просматривал первые номера газеты «Искра», читал статьи Л.О. Мартова. В кружок попала и брошюра В.И. Ленина «Что делать?». Однако после первых страниц она была отложена, и более Борис к ней не возвращался: читать Мартова было намного проще. Некоторые занятия в кружке проводили революционно настроенные студенты, высланные из Москвы⁴⁵.

Николаевский признавался в одном из поздних интервью: «Учиться я не прочь был, но интересовало меня не то, что нужно, уроки я готовил не всегда хорошо, хотя очень рано научился отвечать, чтобы нельзя было заметить, что я урока не знаю»⁴⁶. Для гимназии, в которой было мало хороших учителей, где обучение было в значительной степени формальным, а пуще всего ценились трудолюбие, послушание и прилежание, это было неопределимое умение, которое, к чести Бориса, не оказало негативного воздействия на его формирование как личности, на его дальнейшую общественную жизнь, не превратило его в обманщика-халтурщика, цинично относящегося к стоящим перед ним задачам.

В 1903 г. Борис перешел в гимназию в Уфе, куда переехала мать со всем остальным семейством после гибели отца⁴⁷, так как в Уфе жили близкие люди, на поддержку которых она могла рассчитывать. Она, разумеется, работала, но, будучи на протяжении прошедших лет занята семьей и не получившая никакой специальности, Евдокия Павловна смогла устроиться только продавщицей в казенную винную лавку⁴⁸, и жалованье ее было, разумеется, крайне недостаточным, чтобы прокормить большую семью.

Формально переезд в другой город произошел по воле родных, но на деле все было значительно более драматично. Дело в том, что директором самарской гимназии стал некий А.И. Павлов – ранее учитель истории и инспектор, который недоброжелательно относился ко многим ученикам и не без основания подозревал некоторых из них в антигосударственных настроениях. Гимназисты решили ответить протестом, причем Борис оказался одним из зачинщиков. Он вспоминал: «Я занимался химией и принес в гимназию какие-то порошки, которые мы насыпали в чернильницы (но не нашего класса, а в чернильницы других классов)». Такова была конспирация (заметим – далеко не благородная). «Воздух в классах был отравлен, возник очень сильный запах сероводорода. Уроки были сорваны. Нас отпустили домой»⁴⁹.

Среди учеников, однако, нашлись доносчики. Чтобы не раздувать скандала, который в немалой степени скомпрометировал бы его самого, новый директор гимназии предложил родителям наиболее активных смутьянов забрать своих детей и перевести их в другие школы. В

⁴⁴ МР, box 37, folder 9.

⁴⁵ Ibid, folder 11.

⁴⁶ Ibid, folder 10.

⁴⁷ Отец Иоанн (Иван Михайлович Николаевский) погиб, по воспоминаниям Бориса Николаевского, нелепо в возрасте 50 лет. Перевернулась лодка, на которой он вместе с семилетним сыном Всеволодом (пятью годами младше Бориса) переправлялся через реку Белую. Спасти их не удалось.

⁴⁸ Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 26.

⁴⁹ МР, box 37, folder 10.

отношении Бориса это требование, по существу дела, вполне совпало с желанием матери и его самого. Так Борис Николаевский стал учеником шестого класса уфимской мужской гимназии.

Борис приехал в Уфу, имея то ли в кармане, то ли скорее в голове явочный адрес некоего Сергея Федоровича Гарденина, уроженца Уфы, учившегося в Петербургской военно-медицинской академии, исключенного из нее и возвратившегося в родной город. Через него и его брата Бориса Федоровича Николаевский познакомился с другими оппозиционерами, придерживавшимися социал-демократических идей или, по крайней мере, считавшими себя марксистами. К этому времени в городе существовал социал-демократический комитет, членом которого являлся Гарденин, одновременно ведущий нелегальный кружок. Именно этот кружок стал посещать Николаевский.

Свои взгляды последних школьных лет он оценивал в 1960 г. как социал-демократические. Он считал эту партию влиятельной силой, опиравшейся на рабочий класс. Тот факт, что партии как таковой еще не было, что речь можно было вести только о нелегальном политическом движении, далеком от массовой борьбы, его не смущал. Скорее всего, он и его товарищи просто закрывали на это глаза. Четкой системы политических воззрений не было. Своим знаменем кружковцы считали Максима Горького, особенно его «Песню о Буревестнике», которую все знали на память.

От сестры и ее товарищей Борис узнал о формировании еще одной революционной партии – партии социалистов-революционеров (эсеров), тяготевшей к крестьянству. Считая эсеров преемниками народников, Николаевский не тянулся к ним, так как ему не импонировал индивидуальный террор, несмотря на личные симпатии к боевикам «Народной воли», которых он считал героями. Их гибель, однако, он полагал нецелесообразной с точки зрения конечных целей борьбы. Значительно больше Борис симпатизировал рабочим стачкам. В то же время он оговаривался: «Антикрестьянских настроений у меня не было, не было и потом. Наоборот, у меня в меньшевизме все время с самых ранних лет была критика этого настроения. То[го], что было очень сильно у ряда меньшевиков и особенно у Дана, у которого было прямое отталкивание от крестьянства»⁵⁰.

В Уфе чтение Николаевским социалистической литературы и особенно прессы, не только социалистической или народнической, но и оппозиционно-либеральной, стало более систематическим и целенаправленным. Плехановские труды явились главным источником формирования мировоззрения и взглядов на историю. Именно книги патриарха русского социализма привили юноше глубокий интерес к освободительному движению в его марксистской упаковке. При этом, в соответствии с плехановской традицией, внимание сосредоточивалось не только на теории и истории, но и на практике борьбы против царизма, считавшейся основным компонентом учения.

Через много лет Николаевский вспоминал, что в юности он посещал не только марксистские, но и народнические кружки, чему, безусловно, способствовала его сестра Александра, после окончания гимназии присоединившаяся к народнической подпольной организации. Мировоззренчески Борис был ближе к марксизму, но и эсеровская идеология сыграла в формировании его взглядов какую-то роль. Именно в этом смысле он спустя полвека упоминал работу одного из первых и ведущих идеологов эсеров В.М. Чернова «Типы аграрной и промышленной эволюции», проникнуть в идеи которой «оказалось много труднее, чем обратиться через всю остальную народническую литературу эпохи»⁵¹.

В целом свои общественные настроения того времени Николаевский оценивал как «самую туманную и самую неопределенную» оппозицию⁵². А в одном из интервью 1960 г.

⁵⁰ МР, box 37, folder 11.

⁵¹ Николаевский Б. В.М. Чернов как идеолог // На рубеже. 1952. № 3–4. С. 8.

⁵² МР, box 37, folder 11.

вспоминал, что «когда приехал в Уфу, в 1903 году вошел в первый социал-демократический кружок. Это было весной, во время первой забастовки, которую видел воочию. Мне было 15 лет, и боюсь, что сильно преувеличу, если скажу, что у меня уже было какое-то систематическое мироощущение»⁵³.

Пока же, читая «старую» «Искру», то есть газету того периода, когда она редактировалась совместно будущими врагами – Плехановым и Лениным, Борис никак не мог уяснить себе причин особой заостренности нападок на эсеров.

Он склонялся к мнению, что редакция руководствовалась не самыми высокими побуждениями. «Не имея возможности вести борьбу против сильного врага, самодержавия», считал Николаевский, Ленин «формировал настроения на борьбу против ближайшего врага, легкого, возможного союзника – против социал-революционного движения»⁵⁴. Такого рода позиция подкреплялась у Николаевского еще и тем, что в самой Уфе расхождения между социал-демократами и эсерами особенно не чувствовались.

В авторитетной провинциальной газете «Пермский край» Борис обнаружил в 1901 г. статьи Якова Марковича Луп олова (позже известного под псевдонимом Джемс), в слегка прикрытой форме пропагандировавшего революционные идеи. Через 57 лет в статье, посвященной 90-летию этого социалиста, Николаевский напишет, что его работы «пробудили в нем, гимназисте, инстинкт революционера»⁵⁵.

Гимназист постепенно расширял связь с социалистическими кружками Уфы, охватывавшими в основном молодую интеллигенцию. По их поручению он хранил и распространял революционную пропагандистскую литературу и агитационные листовки, естественно предварительно знакомясь с их содержанием. Сами события окружавшей жизни побуждали к социальному протесту тяготившую к справедливости пытлившую молодежь, полагавшую, что именно ей суждено коренным образом повернуть развитие родной страны.

Когда Николаевский перебрался в Уфу, он был уверен, что вслед за ним в этот город полетит «телега» из Самары о его опасных взглядах. Борис сомневался, что ему удастся поступить в местную классическую гимназию – став убежденным гуманитарием, он никак не желал идти в реальное училище, которое открывало дорогу к «практическим», в основном техническим, специальностям. Действительно, когда он подал прошение о принятии его в гимназию, его вызвал на беседу директор гимназии Владимир Николаевич Матвеев, преподававший древнегреческий язык и славившийся строгостью нравов.

Идя в гимназию в первый раз, Борис был почти уверен, что этот раз окажется и последним, что директор намерен встретиться с ним лишь для того, чтобы унизить, отказав в приеме. Но сложилось иначе. Матвеев долго и внешне сухо беседовал с Николаевским, сообщив, однако, что он говорит с уже принятым гимназистом, которому необходимо соблюдать осторожность. «Он не мог сказать об этом прямо, – вспоминал Николаевский. – Это я смог оценить значительно позже, когда прочитал документы, хранившиеся в моем деле. Когда я встретил Владимира Николаевича в 1917 году, уже после революции, я так волновался, что был на грани признания своей любви к нему»⁵⁶. Но предостережения этого умудренного жизнью директора и учителя оказались втуне.

Местные марксисты тяготели к легальной деятельности и концентрировались главным образом вокруг местного земского управления. Правда, четких партийно-политических различий еще не было. С почти равным интересом молодые люди читали и «Исторические письма»

⁵³ МР, box 37, folder 11; Ким А., Ненароков А. Чутьем сердца // Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости: Письма 1922–1935 г. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж / Сост. А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2005. С. 8.

⁵⁴ МР, box 37, folder 11.

⁵⁵ Социалистический вестник. 1958. № 10. С. 203.

⁵⁶ The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 248.

П.Л. Лаврова, одного из народнических мыслителей, и проникавшие в Уфу номера «Искры», которую начали выпускать за рубежом Плеханов и Ленин.

Возникла мысль о некоей более широкой организации, причем, судя по воспоминаниям Николаевского, именно он был инициатором образования Общества студентов и учащихся. Теперь уже Борис вступал в опасную зону – такого рода организации были противозаконны. В самом начале 1904 г. он организовал издание листовки, адресованной «Ко всем учащимся», в которой объявлялось о создании этого самого общества, которого на самом деле еще не было. Через непродолжительное время, однако, организация была учреждена и в нее вошли учащиеся мужской и женской гимназий, а также студенты местной духовной семинарии.

Одновременно все более усиливалась тяга к истории. Имея в виду, что он родился и провел ранние годы на территории, где проживали чуваша – потомки древних булгар, Борис заинтересовался их историей и по доступным источникам, тщательно собранным в местных библиотеках, написал небольшую ученическую работу «К истории булгар», помещенную в полулегальном школьном журнале «Подснежник» (легальные периодические издания в гимназиях были строго запрещены). Журнал «Подснежник» Борис и его друзья напечатали на множительном аппарате – гектографе. Эту машину им удалось раздобыть каким-то невероятным образом. Всего в 1903 г. гимназисты выпустили три номера «Подснежника», но Борис участвовал только в первом.

Тяготение к печатной продукции усиливалось. В январе 1904 г. фактически под руководством Николаевского вышел первый, оказавшийся единственным, номер еще одного нелегального журнала – «Рассвет», напечатанный на множительном аппарате. Здесь была помещена его статья, не содержащая прямых призывов к революции, но явившаяся его вторым, после очерка о древних булгарах, опытом разобраться в прошлом. Круг интересов постепенно расширялся, распространившись на развитие революционного движения в России. Статья о зарождении революционных настроений в русском обществе в додекабристский период была посвящена в основном известному просветителю Н.И. Новикову, который рассматривался Николаевским как прямой предшественник декабристов.

Оба ученических журнала не сохранились. Вместе с ними оказались потерянными и первые работы Николаевского в области истории, о чем он немало не сожалел, ибо никакого интереса, кроме самого факта обращения к историческим сюжетам, они не представляли⁵⁷.

После раскола социал-демократов на II съезде партии в 1903 г. Борис, еще будучи гимназистом, примкнул к большевикам, но через три года перешел в более умеренную фракцию меньшевиков. Русским меньшевиком он оставался до конца своих дней – более шестидесяти лет. За пропаганду социализма 22 января 1904 г. он был арестован и провел пять с половиной месяцев в заключении. В следующие годы последовали новые аресты. Всего Николаевский арестовывался и подвергался ссылкам восемь раз, правда, на сравнительно короткие сроки.

⁵⁷ МР, box 37, folder 11.

Провинциальный большевик

О предстоящем аресте Бориса фактически предупредил директор гимназии Матвеев. Вызвав его в свой кабинет, он стал задавать неординарные, подчас случайные вопросы, явно намекая, что юноша должен предпринять какие-то меры предосторожности. Но, не имея серьезного политического и жизненного опыта, гимназист просто не понял, о чем идет речь, и решил, что директор вмешивается в его личные дела. Покинув директорский кабинет, он вел себя как ни в чем не бывало, даже не перепрыгав в более надежное место нелегальные материалы, которые у него имелись⁵⁸.

В результате при обыске на квартире Николаевских во время его первого ареста был обнаружен целый склад нелегальной литературы и других пропагандистских материалов, данные о которых выявила Ф. Ахмерова в справке местного жандармского управления «О противоправительственном кружке, образовавшемся в г. Уфе среди учащихся местной гимназии»⁵⁹. Здесь были типографские и изданные на гектографе социал-демократические брошюры, в том числе наставление «Как держать себя на допросах», прокламации, включая обращение к учащимся, переписанные Николаевским революционные стихотворения и даже карикатура, изображавшая «свинью с короной на голове».

Полицейские власти не могли поверить, что юноша из семьи священнослужителя был способен в здравом уме идти на столь противоправные действия. Была даже проведена судебно-медицинская экспертиза его умственного развития, пришедшая к выводу, что действовал он «с разумением». Николаевскому было предъявлено обвинение в призыве к ниспровержению государственного и общественного строя и к разжиганию вражды между отдельными классами населения.

О своем первом заключении Николаевский вспоминал как о времени «подлинного обучения»: «Я ожидал ареста в любой момент, и он наступил. Ведь это была обыкновенная вещь. Это означало, что я могу продолжать без колебания начатое дело»⁶⁰. Действительно, пребывание в тюремной камере для шестнадцатилетнего юноши – время ломки или закалки. В случае Николаевского тюрьма закалила волю.

Тюрьма была переполнена, так как это было время кануна суда над большой группой рабочих из Златоуста, которые в 1903 г. участвовали в крупной забастовке, переросшей в столкновения с полицией и войсками. Борис поместили не в обычное помещение для подсудимых, которых, как правило, изолировали от остальных заключенных, а в большую камеру, окошко которой выходило во двор. Он мог видеть златоустовцев, когда их группами выводили к воротам, чтобы везти в суд. Эти рабочие вели себя дерзко, шумно протестовали, отказывались повиноваться, их подгоняли прикладами. Солидарность с ними выражали другие заключенные. Борис вместе с остальными шумно приветствовал подсудимых, криками выражал одобрение их поведению, призывал к еще большей стойкости. Он научился азбуке заключенных – перестукиванию между камерами, участвовал в часто повторявшихся, весьма шумных протестах против нарушения прав политических узников.

Вскоре, однако, Николаевского перевели в одиночную камеру. Стало намного тише и скучнее. Соседние камеры были сначала пусты, перестукиваться было не с кем. И когда вдруг на свой стук Борис, наконец, получил ответ, он чрезвычайно обрадовался. Правда, вскоре по «тюремной почте» передали, что по соседству находится провокатор, специально привезенный

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 46–47, 179.

⁶⁰ The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 258.

из Петербурга для того, чтобы собирать данные о подследственных. Но Николаевский вел себя осторожно; никаких порочащих его и других лиц сведений он соседу сообщить не успел.

Главным занятием теперь стало чтение. Получать литературу извне ему не было разрешено. Тюремная библиотека оказалась предельно скудной. Пришлось многократно перечитывать Библию, которой ранее почти не касалась его рука, хотя он был сыном священника. Таким образом, только в тюрьме Николаевский впервые «по-взрослому» прочитал Библию⁶¹.

Значительно больше Николаевский тяготел к другой литературе. Через какое-то время был снят запрет на передачу книг, и сестра Александра, а затем и мать Евдокия Павловна стали приносить издания, допущенные либеральной цензурой к опубликованию. Тяготевшая к народникам и эсерам Александра приносила брату книги, соответствовавшие ее взглядам. Немалое впечатление произвели на узника статьи эсеровского лидера В.М. Чернова, публиковавшиеся в журналах «Русское богатство» и «Жизнь». Несмотря на свойственную Чернову патетику, в них прослеживалась немалая эрудиция автора, которая импонировала молодому человеку, учившемуся терпимо относиться к той идеологии, которую он не разделял, встав на сторону ленинской фракции социал-демократии, выступавшей за создание дисциплинированной и четко структурированной подпольной рабочей партии. И хотя в значительно большей степени Николаевского интересовали работы марксистов, казавшиеся доказательными и научными, несмотря на обычно присущую им сухость и догматизм изложения, доводы народников и эсеров он с ходу не отвергал. Его терпимость к идеям тех, кто считал себя выразителями интересов крестьянства, нежелание относиться к крестьянству как к «реакционному классу», стремление найти точки соприкосновения между социал-демократами и эсерами будут характерны для всей его дальнейшей деятельности.

Среди марксистских трудов особое внимание Николаевского привлекли книги лидера германских социал-демократов Карла Каутского, особенно его «Аграрный вопрос», вышедший на русском языке в 1900 г. (Борису особенно интересно было сопоставлять доводы Каутского и Чернова в отношении места крестьянства в историческом развитии). С большим вниманием была прочитана и работа российского «легального марксиста» П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», а также журналы «Новое слово» и «Начало», которые Струве издавал в конце 1890-х годов вместе с М.И. Туган-Барановским. Определенный интерес вызвала и книга Ленина «Развитие капитализма в России». Плеханов же, наоборот, производил теперь на Николаевского меньшее, чем прежде, впечатление. Бориса раздражала чрезмерная антинародническая заостренность его работ, полемический и высокомерный тон его произведений.

Через две недели после ареста Николаевского вызвали на первый допрос. Вспомнив наставления, которые он получал от более опытных узников и прочитанную брошюру о поведении на следствии, Борис заявил, что от показаний отказывается. Следователь распорядился отправить заключенного назад в камеру и лишить его папирос. «Спасибо, но я не курю!» – неосторожно заявил юноша, и в ответ был лишен книг и передач. Николаевский ответил голодовкой. Ограничения были сняты. Узнав об этом, мать и сестра прислали ему «огромную передачу» снеди и целую охапку книг.

Затем Борис просто отказался ходить на допросы⁶², но через некоторое время, видимо по совету бывалых заключенных, свою тактику изменил. Он стал давать показания, но отвечал очень осторожно, представляясь наивным и недалеким, заблудившимся в трех соснах недорослем. После почти семимесячного заключения, большую часть которого он провел в одиночной камере, в середине августа 1904 г. Борис был освобожден благодаря настойчивым хлопотам матери, буквально обивавшей пороги чиновничьих кабинетов. В конце концов мно-

⁶¹ МР, box 37, folder 12.

⁶² МР, box 37, folder 12.

годетной вдове священника удалось убедить власти в том, что ее сын, несовершеннолетний гимназист, просто заблуждался и в серьезную антиправительственную деятельность вовлечен не был. Немалую роль сыграло именно то, что Николаевский сумел создать видимость сотрудничества со следствием, хотя и рассказывал вещи самые невинные, уже известные следователям, никак не вредя при этом другим арестованным.

Николаевскому повезло. Он был освобожден за день до убийства эсером-боевиком Егором Сазоновым (Созоновым) министра внутренних дел Российской империи В.К. Плеве. Если бы убийство произошло парой дней раньше, Николаевский вряд ли вышел бы на свободу. Правда, Борис не был оправдан, его выпустили на поруки до окончания дела. Однако обвиняли его теперь только в хранении, а не в распространении нелегальной подрывной литературы. Вскоре начавшаяся в России первая революция масштабами антиправительственных выступлений заставила забыть о такой мелочи, как обнаружение запрещенных книг и листовок у гимназиста.

После выхода из тюрьмы Николаевский тут же отправился на социал-демократическую сходку⁶³, и это свидетельствовало о том, что в заключении он сумел сохранить связи с революционным подпольем. К шестнадцати годам Борис стал высоким, плотным и физически сильным юношей (его рост был 1 метр 83 сантиметра, причем, по собственным воспоминаниям, он был ниже своих братьев). Гимназию Борис так и не окончил, ибо после первого ареста был из нее исключен. Разумеется, он мог бы попробовать восстановиться или же сдать выпускные экзамены экстерном и затем продолжить обучение в университете. Власти смотрели на социалистические выходы гимназической молодежи снисходительно, полагая, что с возрастом она образумится. (Вспомним хотя бы опыт юного Владимира Ульянова, будущего Ленина, который в два приема сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета.) Но Николаевский не предпринял попыток окончить гимназию и поступить в университет, хотя тяга к гуманитарным наукам осталась важным побудительным мотивом его деятельности. Он избрал профессию журналиста-репортера.

Обладая аналитическим умом, талантом писать, трудолюбием и усидчивостью, Николаевский был по заслугам оценен сперва провинциальными, а затем и столичными печатными органами, которые охотно давали ему сначала несложные репортерские поручения, а позже стали заказывать аналитические статьи. Начав с «Самарского курьера», Борис в последующие годы перекочевал в петербургские газеты, сотрудничая главным образом с печатными органами, в той или иной степени связанными с социал-демократическими кругами.

Борис вышел на волю уже созревшим для решения о своем политическом и профессиональном будущем. Когда по выходе из тюрьмы к нему обратились эсеры с предложением вступить в их партию, он ответил, что уже сделал выбор не в их пользу. Решением присоединиться к большевикам Борис, до ареста еще колебавшийся, во многом был обязан происшедшему летом 1904 г. знакомству с Алексеем Федоровичем Огореловым, который был старше его шестью годами и твердо разделял большевистские установки о необходимости построения строго дисциплинированной подпольной революционной марксистской партии.

Неизвестно, удалось ли Огорелову и другим уральским большевикам познакомиться с брошюрой Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой развивались эти идеи, и с их критикой, например с жестким анализом Л.Д. Троцкого в брошюре «Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы)», опубликованной в Женеве в 1904 г. и тайно распространявшейся, наряду с ленинской брошюрой, в России (Троцкий доказывал, что ленинский план ведет к внутрипартийному авторитаризму). Местные большевики были практиками. Для провинциальных деятелей в то время подобная критика могла казаться чисто умозрительной. Они тяготели к действиям, что им и обещали сторонники Ленина. Более того, обсуждая

⁶³ МР, box 37, folder 12.

раскол социал-демократов на II съезде, Николаевский, Огорелов и их единомышленники возмущались меньшевиками, не подчинившимися большинству и нарушившими партийную дисциплину. Все эти суждения высказывались однозначно, без учета аргументов меньшевиков и без знакомства с ними⁶⁴.

В то же время тяга к журналистской деятельности явилась стимулом к возвращению в Самару, где Николаевский надеялся получить постоянную журналистскую работу, ибо этот провинциальный центр был известен своими передовыми газетами, которые Николаевскому были хорошо памятли со старых времен. Переехав в сентябре того же 1904 г. (из-за отсутствия средств он ехал тайком в багажном вагоне), Борис вместе с несколькими молодыми людьми примерно его возраста образовал своего рода «коммуну». Таких «коммун» в городе было несколько. «Многие из этих юношей, – вспоминал Николаевский, – были крестьянского, рабочего или мелкобуржуазного происхождения; ранее они посещали либо технические, либо сельскохозяйственные школы, расположенные на окраине города. Отчаявшиеся, но веселые и беззаботные; безбожные, грубоватые, подчас нарушавшие законы, но в основе своей идеалистически настроенные; до предела серьезные в своих полусерьезных авантюрах, это были подлинные повстанцы, которым необходимы были только руководство и дисциплина, чтобы они стали преданными профессиональными революционерами и, если это бы понадобилось, бесстрашными членами боевых дружин»⁶⁵.

Сам Борис был явно несколько сдержаннее, нежели его товарищи. Подчас он тянулся за ними, в других случаях, наоборот, пытался несколько умерить их непокорно-хулиганский пыл. Правда, активность эта выглядела подчас несколько анекдотично. Однажды полуголодные «коммунары» решили стянуть у соседа, с которым, кстати, были в неплохих отношениях, одну из куриц, вольно расхаживающих за забором. Кто-то перелез через забор, схватил птицу. Николаевский смог так красочно и с таким юморком описать это происшествие, что местная газета с удовольствием приняла к публикации историю, напечатав ее под псевдонимом и заплатив автору небольшой гонорар. Через день к «коммунарам» прибежал владелец уже съеденной курицы. Он даже не заподозрил своих соседей в воровстве и был в восторге от оперативности газеты, ибо, только прочитав репортаж, обнаружил, что у него одной курицей стало меньше.

Но «куриный эпизод» в журналистской карьере Бориса был, разумеется, случайностью. К своему призванию Николаевский относился с присущей ему серьезностью. Едва только приехав в город, он отправился в редакцию «Самарской газеты», известного в Поволжье печатного органа легально-народнической ориентации. Быть может, юноша и получил бы здесь какое-то задание для проверки его способностей, но на вопрос о его политических убеждениях он честно ответил: «Социал-демократические». Этого оказалось достаточно, чтобы его выставили за дверь.

На счастье, как раз в это время в городе только что был организован новый печатный орган – газета «Самарский курьер». Тяготевший к защите крестьянской доли, связанный с масонами либерал редактор газеты Н.Н. Скрыдлов оказался более покладистым. Он благожелательно принял юношу, дружелюбно с ним побеседовал и предложил написать что-нибудь об Уфе. Вскоре в газете появилась не очень весомая, но легко написанная заметка Николаевского о муках городской публичной библиотеки, где не было даже достойного читального зала. Редакция стала давать Николаевскому новые репортерские поручения, а затем согласи-

⁶⁴ МР, box 37, folder 12. Пройдет немного времени, и Огорелов, как и Николаевский, и многие другие большевики первых лет социал-демократии, поймут, что ленинский экстремизм и нечистоплотные методы политической борьбы, характерные для него, им чужды. Огорелов станет меньшевиком, но после 1917 г. пойдет на службу к большевистской власти. Одно время он будет председателем городского совета г. Владивостока. Затем будет работать экономистом, в этом качестве в 20-х годах побывает в Берлине, где произойдет его дружеская встреча с Николаевским. Дальнейшие следы этого человека затеряются. Скорее всего, в годы «большого террора» он был репрессирован.

⁶⁵ Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 12.

лась включить в один из номеров большую статью, посвященную 80-летию Н.В. Шелгунова – демократического публициста и литературного критика, скончавшегося в 1891 г. Деликатность ситуации состояла в том, что тринадцатью годами ранее похороны Шелгунова были превращены петербургской социал-демократической группой М.И. Бруснева в первую открытую политическую демонстрацию интеллигентов-марксистов. Скрыдлов, таким образом, проявил не только известную смелость, но и определенную широту идейных воззрений. Так появилась первая серьезная публикация Бориса на историческую тему, основанная на разнообразных доступных источниках, прежде всего на воспоминаниях⁶⁶.

Две немаловажные темы привлекали внимание молодого журналиста. Одна из них была связана с ходившими по городу разговорами о масонах, их тайных ритуалах, их сторонниках и членах масонских лож в городе. Вторая, отчасти связанная с той же масонской темой, – положение местного еврейского населения. Самару тогда часто называли Иерусалимом на Волге. Здесь мирно уживались основные мировые религии: мусульманство, иудаизм, христианство во всем многообразии его конфессий. Каждая религиозно-этническая община обосновалась в своем районе и обустроивала его в соответствии со своими культурными и бытовыми традициями.

Улицу Николаевскую (она наверняка привлекла внимание Бориса хотя бы своим названием, совпадавшим с его фамилией) называли «маленьким Сионом». Ее заселяли переселенцы и беженцы из Малороссии, где бушевали черносотенные погромы. Самара принимала далеко не всех, так как имущественный ценз оседлости с губернского города не был снят. Но в интересах развития экономики губернатор допускал в свой край семьи ремесленников и разрешал им снимать жилье, а потом и строить собственное, практически в центре города. Обе темы – масонство и антисемитизм – позже оказались в числе тех проблем, над которыми работал историк Николаевский.

⁶⁶ МР, box 37, folder 13.

Первая российская революция

В конце 1904 г. Николаевский стал членом одной из двух существовавших в Самаре подпольных большевистских ячеек. Собственно, выбора не было. Первого меньшевика он увидел только в мае 1905 г.⁶⁷ Они появились в Самаре лишь в ходе первой российской революции. Об участии Бориса в революционном кружке содержались сведения в материалах наблюдения, осуществляемого губернским жандармским управлением⁶⁸. Это же ведомство констатировало, что 19 ноября 1904 г. в Самаре состоялась уличная демонстрация, организованная комитетом РСДРП, причем по делу о демонстрации было привлечено к ответственности 17 человек, в том числе Борис Николаевский⁶⁹.

Революция в городе воспринималась как дело столичное, в основном по газетам и по рассказам людей, побывавших в Петербурге и Москве. Серьезных революционных событий, за исключением участившихся забастовок, в Самаре не происходило. Единственным видным социал-демократом в городе был Иосиф Федорович Дубровинский (Иннокентий) – большевик, кооптированный в ЦК РСДРП после II партийного съезда (1903 г.), на котором и произошел раскол партии. Занимал он, однако, примиренческие позиции, выступал за восстановление партийного единства и поэтому находился в некоторой оппозиции к Ленину. Дубровинский планировал создать в городе нелегальную газету и поручил Николаевскому вести в ней отдел местной жизни. Однако из этой затеи ничего не вышло, так как сам Дубровинский в феврале 1905 г. был арестован в Москве, куда поехал на подпольную встречу.

Более прочные связи установились у Бориса с социал-демократическим деятелем Борисом Павловичем Позерном (псевдоним Западный), также примыкавшим к большевикам. Выходец из семьи прибалтийских немцев, этот молодой человек (он был старше Николаевского на пять лет) стал социал-демократом в 1902 г., а в следующем году был исключен из Московского университета и выслан в Самару, где фактически возглавил марксистскую организацию⁷⁰.

1 мая 1905 г. самарские социал-демократы попытались организовать рабочую демонстрацию; участие в ней стало первым уличным выступлением, в котором участвовал Николаевский. Демонстрацию легко разогнала полиция. Тогда нелегальная организация решила той же ночью провести еще одну демонстрацию, хотя смысла в этом было мало. Любая уличная акция носила не только протестный, но и агитационный характер. А агитировать посреди ночи было некого.

У Бориса сохранились живые воспоминания о том, что произошло в ту ночь: «Пошли по улице, налетела полиция, было несколько выстрелов, полиция шарахнулась в сторону, потом помчались казаки, перескочили все в соборные садики и разбежались, больших арестов не было... Всю полицию знали. Был там такой переодетый Робчев, который пытался пробраться посмотреть, кто идет впереди. Я его увидел, схватил и выставил из рядов. Потом, когда меня арестовали, был допрос... На следующий день очная ставка с этим околоточным». Робчев, однако, путался в показаниях, не смог сказать точно, был ли Николаевский именно тем самым рослым и физически крепким демонстрантом, который применил к нему силу. В результате Бориса на второй день из участка освободили.

Через несколько дней в Самаре началась забастовка, охватившая главным образом мелкие мастерские, включая даже мастерскую иконописцев. В числе других социалистов Борис

⁶⁷ Ibid, folder 12.

⁶⁸ *Понов Ф.Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев: Книжное изд-во, 1969. С. 46.

⁶⁹ Там же. С. 53.

⁷⁰ После 1917 г. Б.П. Позерн занимал различные должности в партийном и советском аппаратах, был одним из помощников С.М. Кирова в Ленинграде, являлся секретарем Ленинградского обкома партии. Во время «большого террора» он был арестован и в 1939 г. расстрелян.

писал тексты прокламаций от имени стачечников, перемежая в них экономические требования с лозунгами немедленного созыва Учредительного собрания. «В городе знали в это время фактически все нас. На улице останавливали – зайдите. Или приходили, и мы писали. Мы писали требования», и они предъявлялись затем «в переговорах с администрацией»⁷¹.

Все же в городе было сравнительно спокойно вплоть до осени 1905 г., когда прошли слухи, что местные крайне правые организации (ответвления Союза русского народа, Союза Михаила Архангела и др.) готовят антиеврейский погром, проводя с этой целью демагогическую агитацию среди местных люмпенов. В частности, они обвиняли «евреев и социалистов» в стачке железнодорожников, которая окончилась поражением и привела к массовому увольнению и появлению сотен безработных. Используя эту ситуацию как предлог, Позерн (кстати, именно его, немца по национальности, черносотенцы объявляли евреем и главным виновником всех бед) и его соратники, среди которых был Николаевский, заручились поддержкой местных либералов и стали создавать отряды самообороны, в действительности обернувшиеся боевой социал-демократической дружиной.

Наряду с боевой деятельностью, после царского манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего, в частности, свободу организаций, Борис выступил инициатором создания союза типографских рабочих, мелких чиновников и «других лиц найма», в число которых были включены и местные проститутки. Профсоюз с участием проституток образован все же не был. Что же касается рабочих типографий, то Николаевский был избран в комиссию по подготовке устава профсоюза и написал его текст. Хотя сторонники большевиков требовали, чтобы профсоюзы были «партийными», то есть объявляли о своей приверженности социал-демократии, Николаевский настоял на том, чтобы этот пункт не делали обязательным⁷².

Именно с разногласий по вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и рабочей партией начался постепенный, но достаточно быстрый отход Николаевского от большевиков. Что же касается деятельности боевой группы, то она не привела к какому-либо открытому выступлению, как это имело место в Москве и некоторых других городах (в Москве, впрочем, в Декабрьском восстании 1905 г. главную роль играли не социал-демократы, а эсеры). Боевая организация Саратова, фактическим руководителем которой вскоре стал Николаевский, действовала не просто легально, а пользовалась сочувствием и покровительством командира местного гарнизона полковника Галина, который сам в юности примыкал к революционерам⁷³. Социал-демократическая боевая организация под видом беспартийных групп самообороны, руководимых неким общественным комитетом охраны порядка, патрулировала улицы, поддерживала пристойный режим по всему городу и этим предотвратила погромы.

Одновременно, естественно, агитационная социал-демократическая работа, при активном участии Николаевского, проводилась в самом гарнизоне. Помимо устной агитации Николаевский писал прокламации, обращенные к солдатам, и распространял их, когда эти листки удавалось размножить⁷⁴.

Социальная активность в городе в этот революционный год была довольно высока, хотя выливалась подчас в полуанекдотические формы. Социал-демократы образовали специальный комитет для выявления требований различных групп населения, которые можно было причислить к трудящимся. Самому Борису, ставшему членом комитета, выпала нелегкая миссия посетить женскую гимназию, чтобы опросить девиц, которые были младше его всего лишь на три-четыре года, и узнать про их революционные требования. Гимназистки были малосознательны и хотели всего лишь отремонтировать в общежитии печь. Когда же Борис стал их упре-

⁷¹ МР, box 37, folder 14.

⁷² МР, box 38, folder 1.

⁷³ Николаевский позже рассказывал, что после революции Галин был арестован, лишен воинского звания и отправлен в тюрьму на четыре года.

⁷⁴ МР, box 38, folder 1.

кать в узости революционных взглядов, девушки, в конце концов, согласились включить еще и требование созыва конституционной ассамблеи.

Как раз в эти оптимистичные и вместе с тем тревожные дни юный Николаевский впервые столкнулся с проблемой, которая станет одной из основных в его жизни. Ему было поручено найти место для хранения архива Восточного бюро ЦК РСДРП, который привез в город меньшевик Григорий Иннокентьевич Крамольников, являвшийся разъездным агентом ЦК⁷⁵. Хорошо подумав, Борис через свою сестру обратился к ее подруге еще по гимназии, внучке главного священнослужителя центральной городской церкви, который знал его отца. Девушка не решилась на нелегальные действия и все рассказала своему деду. Вместо того чтобы обратиться в полицию, тот пригласил молодого человека в свой дом. Выяснив, что речь идет о документах организации, которая не призывает к кровавому террору, а видит свою цель в создании справедливого общества равноправных людей, протоиерей сам предложил помощь. Архив был надежно спрятан на чердаке его дома. Внучка протоиерея жила в мезонине, из ее комнаты на чердак вела дверь. К двери подтащили шкаф. Когда было необходимо, шкаф отодвигали, и новые документы присоединялись к старым⁷⁶.

Вся эта деятельность времен первой русской революции самому Николаевскому казалась достаточно безобидной. Только значительно позже он узнал, что совсем близко действовали уральские боевые дружины, образованные по инициативе большевиков. Задачи уральским дружинникам ставил Ленин: «Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие – нападения на банк для конфискации средств для восстания»⁷⁷. Ленин проповедовал необходимость «кровавой, истребительной войны»⁷⁸. Он призывал своих сторонников «воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями»⁷⁹. Об авантюрах Лбова и братьев Кадомцевых говорили по всему Уралу и прилегавшим к нему губерниям. Через много лет в своих комментариях к документальной публикации о российской социал-демократии Николаевский не раз упомянет об этих в полном смысле слова бандитских группах, наводивших страх не только на власти, но и на местное население: «Уральские большевики, во главе которых стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), делали попытки создания в подполье массовой рабочей милиции, разрабатывали далеко идущие военно-стратегические планы восстания на Урале и т. д. и свои экспроприации проводили главным образом для получения денежных средств на эту работу, а в Б[ольшевистский] Ц[ентр] передавали относительно лишь небольшую часть доходов от своих предприятий»⁸⁰.

⁷⁵ Тот факт, что такой малоизвестный партийный орган действительно существовал, подтверждается письмом Н.К. Крупской (являвшейся некоторое время секретарем редакции газеты «Искра») от 9 октября 1905 г., адресованным этому бюро (см.: *Ленин* и Самара. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1966. С. 462). В 1910–1916 г. Г.И. Крамольников (1880–1962) учился в Московском университете, стал математиком, но продолжал участвовать в революционном движении, подвергался арестам. В 1919 г. стал большевиком и поменял профессию. В 1922–1924 гг. он работал в Институте красной профессуры, в 1924–1930 гг. являлся научным сотрудником Института Ленина, с 1930 г. научным сотрудником Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б).

⁷⁶ МР, box 38, folder 1.

⁷⁷ *Ленин В.И.* «Полное собрание сочинений» (далее «ПСС»). М.: Госполитиздат, 1960. Т. 11. С. 187. Мы берем официальное наименование пятого издания сочинений Ленина в кавычки, ибо оно отнюдь не является полным; за его пределами остались многие сотни ленинских документов, публикация которых в СССР считалась политически нецелесообразной или идеологически вредной.

⁷⁸ Там же. Т. 13. С. 372.

⁷⁹ Там же. С. 375–376.

⁸⁰ *Hoover Institution. Nicolaevsky Collection* (далее: NC), box 542, folder 1; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 27.

Братья Эразм (1881–1965), Иван (1884–1918) и Михаил (1886–1918) Самуиловичи Кадомцевы являлись организаторами боевых экспроприаторских дружин в различных районах Урала в 1905 г. Они были арестованы, но полностью их вина доказана не была; поэтому их сослали. Что же касается Александра Михайловича Лбова (1876–1908), носившего прозвище Гроза Урала, то это был бандитствовавший революционер, беспартийный, ранее являвшийся рабочим Мотовилихинского завода. В 1906 г. он организовал ряд экспроприаций, поддерживая связи с эсерами и большевиками. Лбов был арестован, приговорен к смертной казни и повешен.

После подавления Декабрьского вооруженного выступления в Москве и аналогичных столкновений в нескольких других городах революция явно пошла на убыль, хотя продолжалась еще примерно полтора года. Окончательно она была остановлена премьер-министром П.А. Столыпиным, распустившим 3 июня 1907 г. II Государственную думу и издавшим более консервативный закон о выборах, обеспечивавший в Думе господство правых политических сил. Тенденция к спаду революции тотчас проявилась в Самаре, где новый губернатор, назначенный в декабре 1904 г., отказался от «сосуществования» с социал-демократами, поменял руководство гарнизона и полиции и потребовал от них наведения порядка. В конце декабря дом, в котором происходило очередное заседание местной социал-демократической группы, был окружен полицией, большинство его участников были арестованы. Николаевскому, однако, удалось бежать, использовав черный ход, возле которого неопытные стражи не выставили охрану.

Около месяца Борис пребывал в подполье, попытавшись в это время вести агитацию среди солдат местного гарнизона. В конце января 1906 г. он был задержан полицией, вскоре освобожден, однако 23 апреля того же года вновь арестован, на этот раз с поличным – за распространение революционных листовок среди солдат – и провел в тюрьме более года. Обнаруженных у него нелегальных материалов и свидетельских показаний было достаточно для немалого срока ссылки или даже тюремного заключения, но, на счастье Бориса, ему еще не исполнилось 21 год; формально он считался несовершеннолетним. В июле 1907 г. он был освобожден без суда (со строгим предупреждением более не участвовать в подрывной деятельности) и поставлен под негласное полицейское наблюдение.

Три месяца, проведенные на этот раз в заключении, оказались особенно важны для дальнейшей политической судьбы 20-летнего Николаевского. В той же тюрьме находились два известных социал-демократа. Одним из них был Лев Григорьевич Дейч, в прошлом народник, а затем один из основателей марксистской группы «Освобождение труда», с 1903 г. видный меньшевик, прославившийся своими побегам с каторги и из ссылки. Другим – Александр Львович Гельфанд, известный больше по псевдониму Парвус, который участвовал ранее в германском рабочем движении, а затем приехал в Россию «делать революцию». Гельфанд (Парвус) к меньшевикам не примыкал, занимая особую позицию. Вместе с Троцким он начал разработку концепции перманентной революции, которую позже Троцкий развивал самостоятельно. Но и к большевикам Парвус относился весьма и весьма критически. Общение с этими незаурядными людьми привело к окончательному отходу Николаевского от большевизма. В то же время в стане меньшевиков он сохранял определенную «автономность» и стремился любые партийные и фракционные решения пропускать через сито собственных оценок⁸¹.

Находясь в тюремной камере, Борис получил право выполнять платную работу статистика губернского статистического управления. Задания ему доставлялись прямо «по месту жительства», и он за месяцы заключения приобрел дополнительную квалификацию и заработал небольшие деньги – около 100 рублей. После освобождения у молодого человека возникла явная «охота к перемене мест». Он побывал в Уфе, встретился с матерью и другими родными.

⁸¹ МР, box 38, folder 1.

Затем отправился в Омск, где вновь попытался начать пропагандистскую работу среди солдат. Однако его усилия отклика не получили, и через два месяца он покинул провинциальный сибирский город и отправился в западную сторону, останавливаясь на недолгое время в различных местных центрах. Через много лет на вопрос о том, зачем поехал в Сибирь, Николаевский ответил: «Куда-нибудь надо [было] поехать! И хотелось Сибирь посмотреть... Сибирь меня интересовала – романтика. Ну, в Омске я прожил очень недолго... Это было время большого разгрома местной организации»⁸². По всей видимости, именно в этом и заключалась главная причина внезапного отъезда из Омска: Николаевский просто спасался бегством.

⁸² Ibid.

Меньшевик в столице и ссылке

Ни один из периферийных городов, включая Самару – город его детства и юности, – не приглянулся Борису. Почти не задерживаясь в них, в конце августа 1907 г.⁸³ Николаевский впервые прибыл в Петербург, где в это время проходила предвыборная кампания по выборам в III Государственную думу. Борис, горько сожалевший, что пропустил выборы в предыдущие две Думы, в которых левые силы имели значительное влияние (за что, собственно говоря, обе Думы и были распущены), энергично включился в избирательную кампанию, главным образом своими газетными выступлениями, за которые получал грошовые гонорары, позволявшие, однако, как-то существовать.

В столицу Николаевский привез переданный ему в Самаре тот самый архив Восточного бюро ЦК, который в свое время был укрыт в доме протоиерея. Борис намеревался передать его в фонды Императорской академии наук, имея в виду, что академический архив охотно принимал на хранение такого рода документацию, совершенно, впрочем, не относившуюся к деятельности академии. Среди материалов были в том числе и документы Ленина. Этот фонд, однако, пропал, так как, занятый текущими делами, Борис не успел передать его в академию до нового ареста⁸⁴.

В Петербурге Николаевский познакомился с ведущими меньшевистскими деятелями, ведущими работу в легальных организациях, прежде всего в профсоюзах, с людьми, которых Ленин презрительно называл «ликвидаторами», то есть теми, кто настаивал на прекращении нелегальной деятельности, – Марком Исааковичем Бройдо, Иосифом Андреевичем Исувом и другими. Активно противодействуя разлагающей работе ленинцев, эти деятели отнюдь не были ликвидаторами – они стремились сохранить подпольную организацию, пользовались конспиративными псевдонимами (Исув звался Михаилом, Бройдо – Брагиным), хотя, действительно, концентрировали основное внимание на массовой работе в рабочей среде. У Николаевского была полученная им еще в Омске явка к Исуву, который вначале встретил его подозрительно, сочтя поведение Бориса нарушением конспирации, но вскоре между ними установились нормальные деловые отношения.

Расхождения с большевиками углублялись по конкретным вопросам. По мнению Николаевского, большевики выдвигали лозунги, не соответствовавшие времени, пользовались недопустимыми для социал-демократов средствами, в частности бандитскими экспроприациями и вымогательствами, налетами, ограблениями («партизанские акции» и связанные с ними террористические нападения были последней гирькой на чаше весов, которые определили окончательный переход Николаевского в меньшевистский лагерь)⁸⁵. «Может быть, я даже не совсем так тогда понимал... – вспоминал Николаевский, – но отрицательное значение... этого чувствовал очень определенно»⁸⁶.

Особое впечатление на Бориса производили речи одного из лидеров меньшевиков, страстного оратора Ираклия Георгиевича Церетели, вокруг которого возник своего рода ореол непримиримого и принципиального борца за демократическое преобразование России. К Церетели Николаевский с самого момента их знакомства относился буквально с благоговением. Молодому социалисту нравились также статьи Мартова, в которых привлекала логика, широкая эрудиция, исторический подход, что для человека, все более приобретающего ква-

⁸³ В одном из интервью Николаевский сказал Хеймсону, что приехал в столицу в июле, но это была явная оговорка, так как лишь в июле он вышел из тюрьмы.

⁸⁴ МР, box 38, folder 2.

⁸⁵ *Kristof L.K.D.* B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 22.

⁸⁶ МР, box 38, folder 1.

лификацию историка, становилось особенно важным. С интересом читал Николаевский и статьи Троцкого, еще до революции 1905–1907 гг. оформившегося в качестве нефракционного социалиста, разрабатывавшего особый подход к будущей революции, в которой общедемократический и социалистический этапы должны были слиться воедино в перманентной революционной схеме. Троцкий привлекал как прекрасный публицист, как страстный борец за социал-демократическое единство. Однако личных симпатий к нему у Николаевского не было⁸⁷. Можно предположить, что его отталкивала присущая Троцкому высокомерность, убежденность в собственной правоте, стремление поучать других, нетерпимость к критике, жаливший стиль не всегда аргументированной полемики (такое отношение к Троцкому Николаевский открыто выскажет позже, в 20-х годах).

Николаевский поддержал идею муниципализации земли, то есть передачи земли в собственность местным органам самоуправления, в противовес большевистскому лозунгу национализации земли – передачи ее государству. Борис считал необходимым сохранение целостного Российского государства, был против автономии национальных районов, на чем настаивали большевики. Он полагал, что социал-демократы должны считаться с другими прогрессивными политическими силами, в случае необходимости вступать с ними в блоки, сотрудничать в том числе с либеральной Конституционно-демократической партией (кадетами), которую большевистские агитаторы всячески разоблачали как «прислужницу империализма».

В середине сентября, то есть вскоре после приезда, Николаевского избрали секретарем Выборгской организации РСДРП Петербурга, что свидетельствовало о доверии, которое завоевал Борис в среде обычно весьма подозрительных и неуживчивых однопартийцев. Кампания по выборам в III Государственную думу проходила пассивно, чувствовалось разочарование. Интеллигенция, по словам Николаевского, «уходила устраивать свои дела». Когда Борис ехал поездом из Омска, он разговорился с солдатами, демобилизованными из армии и возвращавшимися домой. Те поведали о настроениях в частях и даже о попытках создания оппозиционных организаций. Уже в Петербурге Борис написал об этом в статье, опубликованной в большевистской газете «Вперед», которой руководил Ленин. Газета была одним из немногих социал-демократических органов, плативших небольшие гонорары. Для молодого человека, не имевшего постоянного заработка, это было немаловажно (Борису заплатили 10 рублей).

Вскоре после приезда в Петербург произошла первая встреча Николаевского с Лениным, проживавшим в это время в Финляндии, в Куоккале, куда, видимо, Борис поехал по партийному поручению. Ленин считался в это время не просто руководителем фракции, а лидером всей партии, ибо в 1905 г. на IV съезде в Стокгольме по требованию II Интернационала произошло формальное объединение российских социал-демократов. На следующем, лондонском V съезде (1907 г.) большевики уже преобладали. Ленин стал главным редактором партийной газеты «Социал-демократ». Одновременно он оставался редактором чисто большевистской газеты «Вперед», где была помещена статья Николаевского.

Похоже, что, прочитав эту статью, Ленин захотел познакомиться с автором, которого не считал «потерянным» для своей группы. Но полезного разговора не получилось. Через десятилетия Николаевский рассказывал (впрочем, довольно туманно, видно, что многое у него стерлось из памяти, тем более что Ленин особого впечатления на него не произвел): «Встреча была на явке в университете. Ничего особенно интересного не было. Он меня расспрашивал... Я всюду читаю, что у Ленина такие особые глаза, проникающие и так далее... Он, может быть, устал, или, может быть, у него на всех не хватало глаз, но, во всяком случае, со мной ничего особенного не было. Обычный разговор, просил еще написать что-нибудь. Но вот что харак-

⁸⁷ Ibid.

терно, приглашал он меня писать, несмотря на то что я ему сказал, что я меньшевик, что секретарь меньшевистского района»⁸⁸.

Жизнь на воле продолжалась, однако, совсем недолго. 15 октября 1907 г., то есть всего через два месяца после приезда в столицу, Борис был опять арестован (его схватили после участия в нелегальном собрании районного совета безработных, в котором он участвовал в качестве партийного секретаря). До марта 1908 г. он просидел в петербургской пересыльной тюрьме, затем был приговорен к двухгодичной ссылке (в этот срок было зачтено предварительное заключение). Контакты с другими заключенными и тем более с внешним миром были спорадическими. Ежедневно приговоренных уводили на этапы. «Чувствовал, что мы вступаем в трудное время, – вспоминал Николаевский, – но сомнений не было, что именно так надо было сделать»⁸⁹.

Весной 1908 г. этап, в который был включен Николаевский, прибыл в Архангельск, откуда осужденного отправили в поселок Пинега, являвшийся своего рода центром политической ссылки. Пинега был уездным городком Архангельской губернии, находился на берегу одноименного притока Северной Двины. В разное время здесь побывали социал-демократы Алексей Иванович Рыков, Климент Ефремович Ворошилов и даже будущий писатель Александр Грин. Здесь Борис познакомился с известным польским социал-демократом Адольфом Ежи Варшавским (известным под псевдонимом Варский) – одним из руководителей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – левой партии, входившей в РСДРП на правах автономной организации и одно время сотрудничавшей с большевиками. Варский был даже членом ЦК РСДРП и на одном из собраний в Пинеге выступил с докладом о положении в Польше. Кроме Барского из известных революционеров Николаевский в ссылке познакомился с умеренным большевиком Константином Константиновичем Юреневым (настоящая фамилия Кротовский), который вскоре отошел от большевизма, но после Октябрьского переворота 1917 г. вновь к нему присоединился и стал советским дипломатом. Оба новых знакомых Николаевского – Варский и Юренев – были расстреляны Сталиным во время чисток.

В Пинеге жизнь не была ключом, но все же была библиотека, а ссыльные ухитрились получать с оказиями литературу, включая нелегальную, газеты и журналы, в том числе даже зарубежные. Вся эта литература, правда, приходила с большим опозданием, что крайне тяготило Николаевского и его товарищей, нервно переживавших свою оторванность от жизни в центральной части России. Видимо, из-за этого вынужденного безделья Борис стал изучать местные экономические обзоры, статистические материалы, прессу, наблюдать трудовую жизнь и быт рабочего и сельского населения, накапливая данные для будущих публикаций этнографического характера.

О полутора годах своей ссылки Борис Николаевский сохранил совсем неплохие воспоминания. Он получал из казны 13 рублей 50 копеек в месяц на пропитание и жилье, и этих денег ему хватало, чтобы вести скромное, но вполне сносное существование, не прибегая к дополнительным заработкам. Он жил в деревенской хате, изучал быт и нравы крестьян Севера, упивался скупой, открывавшейся только тем, кто умел ею наслаждаться, северной природой. С разрешения местных властей вместе с двумя другими молодыми людьми, которые, как и он, не обладали необходимыми элементарными геологическими познаниями, Борис весной 1909 г. предпринял экспедицию на Крайний Север, в район Воркуты, для обследования угольных залежей и природных условий. Борис в экспедиции числился ботаником, хотя почти никаких познаний в этой области у него не имелось. Все трое участников экспедиции были молодыми, вынос-

⁸⁸ МР, box 38, folder 2; Ким А., Ненароков А. Чутьем сердца. С. 9. Несколько позже между Лениным и Николаевским произошел острый спор, причем Борис признавал, что не смог найти необходимых аргументов, которые убедили бы присутствовавших в правильности позиций меньшевиков. «Моя речь была довольно слабой», – самокритично вспоминал Николаевский (Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 18).

⁸⁹ МР, box 38, folder 2.

ливыми и смелыми людьми, которым во время путешествия часто приходилось преодолевать немалые трудности. Питались, как правило, тем, что удавалось поймать или собрать. Сталкивались с медведями, гонялись за оленями, гусей ловили прямо руками.

Экспедиция подтвердила, что немалые угольные слои здесь действительно есть. Запасы угля в этом районе еще не были сколько-нибудь детально изучены. Только через два с лишним десятка лет началась их интенсивная разработка с использованием в основном рабской рабочей силы заключенных ГУЛАГа, а сама Воркута стала столицей рабского труда в советском Заполярье.

Из своей экспедиции Николаевский с товарищами привез большую геологическую коллекцию, которая позже была передана в музей геологии Императорской академии наук. В числе экспонатов были также черепа оленей, которые экспедиция обнаружила в одной из пещер, где местные древние жители приносили их в ритуальную жертву. Николаевский вел подробный дневник экспедиции, который позже, к сожалению, пропал.

По истечении срока ссылки в феврале 1910 г. Николаевский получил предписание отправиться к матери в Уфу, где он подлежал воинскому призыву. Наблюдение за ним было теперь усиленным, и Борис вынужден был подчиниться. В Уфе во время воинского медицинского освидетельствования рослого Николаевского сначала признали абсолютно здоровым и годным к несению службы в императорской гвардии. Но, узнав, что он политически неблагонадежен, тут же обнаружили у него какие-то шумы в сердце и объявили непригодным для воинской службы вообще.

Николаевский позже вспоминал, что уфимские врачи, проводившие освидетельствование, были старые его знакомые, сочувствовавшие социал-демократам. Они и рискнули помочь Николаевскому освободиться от армии под вымышленным предлогом. Возможно также, что и сами уфимские чиновники опасались отправлять революционера в армию. Было ясно, что и в армии Николаевский станет заниматься революционной агитацией, причем неприятности из-за этого возникнут не только у Николаевского, но и у самих уфимских чиновников, в армию его пославших.

Так или иначе, Николаевский от воинской службы был освобожден. В Уфе он попытался установить связь с местными социал-демократами. В числе его новых знакомых оказался поселившийся в Уфе молодой социалист Николай Николаевич Баранский, который был исключен из Томского университета и после нескольких арестов отошел от революционной деятельности. Теперь он, по его словам, «натаскивал идиотов», давая частные уроки, чтобы накопить денег и поступить в университет. В 1914 г. Баранский действительно поступил в Московский коммерческий институт, специализировался в области экономической географии, стал известным ученым, советским академиком, Героем Социалистического Труда (умер в 1963 г.).

Летом 1910 г. Николаевский был задержан полицией по обвинению в связи с террористами, однако через полтора месяца освобожден за недостаточностью улик. Он отправился в Самару в надежде возобновить журналистскую работу, используя старые связи, но здесь опять был арестован. Самарские жандармы оказались более дотошными. Им удалось собрать доказательства, свидетельствующие, что молодой человек не отказался от подрывных целей. Николаевский был предан суду и получил новую ссылку, теперь уже на три года. Его сослали в уездный городок Кемь знакомой ему Архангельской губернии.

В новой ссылке Борис начал интенсивную обработку собранного ранее и продолжавшего обновляться богатого этнографического материала, который посылал в «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», где регулярно печатался⁹⁰

⁹⁰ Этот первый научный журнал Архангельска выходил вначале два раза в месяц, а затем ежемесячно в 1909–1919 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.